

БОВЕАЯ ФАНТАСТИКА
КУБАНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ #4

ВАСИЛИЙ САХАРОВ ДАЛЬНИЙ ПОХОД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Сахаров

Кубанская Конфедерация

4. Дальний поход

«МедиаКнига»

2018

Сахаров В. И.

Кубанская Конфедерация 4. Дальний поход / В. И. Сахаров — «МедиаКнига», 2018

Закончилась война между ККФ и Средиземноморским альянсом. Александр Мечников решил вернуться домой. Но как, если Босфорский пролив перекрыт вчерашними врагами, жаждущими его крови? Вариантов немного, и офицер ГБ решает прорваться на родину через Балтийское море, Питер и Москву. Снова в поход. На плечах рюкзак, а в руках автомат. Рядом верные товарищи и дорогая сердцу женщина. А впереди растерзанная катаклизмом Россия: земли повольников, окружённая ордами дикарей Москва, затерянные в лесах города-крепости, крестоносцы XXI века, сатанисты и хранители оружия массового поражения с объекта Воронеж-45. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	12
Глава 3.	19
Глава 4.	26
Глава 5.	33
Глава 6.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1.

Гибралтар – Балтийское море. 09-24.03.2065.

– Смирно! Равнение на флаг! – подает команду новый комендант ВМБ "Гибралтар", капитан первого ранга Семенов А.А., к слову сказать, старший сын Семенова А.В., основного акционера КОФ. Флаг Конфедерации неспешно взбирается на высокий флагшток, замирает на месте, и каперанг подает следующую команду: – Вольно!

Морские пехотинцы из Третьей гвардейской бригады занимаются своими делами. Кто-то заступает в караул, а кто-то собирается в поиск по окрестным городкам и весям, по сути своей на мародерку. У нас же свое расписание.

Рабочие бригады из подростков, строителей, мастеров и бывших рабов, которые со вчерашнего дня переподчинены Семенову, во главе со своим начальником Тимошиным, отправляются в порт. Моряки гражданских судов и БДК, около сорока человек, двигаются за ними следом. Они тоже уже вне моей юрисдикции, и на плацу остается только сто человек из экипажа "Ветрогона" и сто сорок бойцов десантной партии. Не густо, однако это самые лучшие воины, которые готовы пойти за мной почти в любое пекло. Казаки, кубанские гвардейцы, молодые одесситы, наемники, турки, итальянцы, сицилийцы и еще не пойми кто. У всех свои взгляды на жизнь, разный язык, обычаи и вера. Но сейчас они все заодно, единый боевой механизм и основа вольного отряда приписанного к Отделу Дальней Разведки при ГБ Кубанской Конфедерации.

Четыре четких шага вперед. Я выхожу из строя. Резкий поворот кругом, и передо мной две ровные коробки.

Левая, в синих робах, моряки с фрегата. Во главе их строя стоят Скоков, Кум и Игнач. Пару дней назад капитан "Ветрогона" был повышен в чине с майора до капитана второго ранга, и теперь нет-нет, а бросает взгляд себе на плечи и любит новенькими погонами.

Правая коробка, десантура в темно-коричневых горках, и на их правом фланге стоят Лида, Крепыш и, повышенный за удачный рейд на Кипр, с сержанта до лейтенанта, Серый.

– Ну, что браточки, – обратился я к отряду, – за ночь никто не передумал в поход идти?

– Никак нет, товарищ капитан! – после непродолжительного затишья в рядах бойцов, за всех ответил Крепыш.

– Это хорошо, но до вечера время подумать еще есть, и если кто-то все же решит остаться на базе, упрекать не стану. В поход идут только добровольцы, и каждый из вас должен понимать, что мы делаем шаг в неизвестность. Никто не может сказать, что нас ожидает в пути, и какова доля риска. Впрочем, мы дальняя разведка и к подобному положению дел нам не привыкать. Правильно говорю, воины?

Одобрительное гудение в строю, было мне ответом, и я продолжил:

– Экипажу "Ветрогона" еще раз проверить и провернуть все судовые механизмы! Воинам десантной партии подготовить оружие и снаряжение, а после этого заниматься погрузкой сухпайков и боезапаса! Командирам подразделений развести личный состав на работы и занятия!

Офицеры занялись делом, одна за другой посыпались короткие и четкие команды, а я направился на другой конец плаца, к новому командиру ВМБ, который хотел со мной переговорить тет-а-тет, и сейчас наблюдал за нашим построением от флагштока.

– Товарищ капитан первого ранга...

Я вскинул ладонь к камуфляжной армейской кепке. Но Семенов, массивный тридцатилетний брюнет в черном военно-морском кителе нашего флота, остановил мой доклад взмахом ладони:

– Давай без официоза, Александр. Личный состав разошелся, так что тянуться не будем, и лишний раз козырять друг другу не станем. Ты не против?

– Нет, тезка, не против.

– Пойдем, по базе пройдемся?

– Переговорить хочешь?

– Да, – Семенов кивнул головой.

– Пошли, – согласился я.

От плаца, который находился рядом с городским арсеналом, по разбитой автомобильной дороге мы двинулись на вершину скалы. Вокруг нас своим чередом идут работы, расчистка развалин и разбор обветшавших зданий. Стучат отбойные молотки, жужжат перфораторы, шумят компрессоры, и этот день ничем не отличается от вчерашнего.

– Не жалеешь, что базу и корабли государству отдал? – искоса посмотрев на меня, на ходу спросил каперанг.

На секунду я задумался, и пролистнул в голове события минувших дней. Прибытие двух грузопассажирских судов с родины, консультации с Еременко и передачу базы вместе с кораблями новому коменданту ВМБ.

– Честно тебе скажу, тезка. Ни капли не жалею. Со мной обошлись по справедливости и финансово все компенсировали. А к чему ты это спрашиваешь?

– Мало ли, вдруг зло на меня затаил.

– За то, что ты мои труды унаследовал? – усмехнулся я.

– Ну, да...

– Нет, между нами все ровно. Мой бизнес дома, и я не могу разорваться на две половинки.

– Понимаю тебя, капитан.

– А я тебя нет, товарищ капитан первого ранга.

– С чего бы это? – Семенов остановился и в недоумении посмотрел на меня.

– Ты ведь из сильного клана, мог бы выбрать себе любое назначение, а оказался здесь, на самом дальнем форпосте Конфедерации, который в случае очередного конфликта с Альянсом подвергнется стопроцентному нападению.

– А-а-а! Вот ты про что, – протянул комендант, и продолжил свое восхождение на вершину. – Ты хочешь знать, почему я оказался в этом месте?

– Да.

– На романтику потянуло, и славы первопроходца захотелось.

– Но тебе-то это зачем?

– Ха! Если бы я сам знал. Ты ведь с моим отцом знаком?

– Разговаривали один раз и на официальных мероприятиях в столице пересекались. Только он здесь при чем?

– Говорят, что я весь в него, а что он делал, до того как финансами семьи занялся, ты, наверное, знаешь.

– Слышал, что он в пограничье воевал и много путешествовал.

– Вот и я такой же, только отец по сухопутью бродил, а моя судьба на море. Удовлетворен ответом?

– Вполне.

Мы вышли на дорогу, которая шла вдоль бетонной взлетно-посадочной полосы и, остановившись, с высоты посмотрели на городок и бухту под нами. Некоторое время помолчали, и Семенов выдохнул:

– Красота!

– Это точно, – присев на огромный валун, подтвердил я. – Ласковое и теплое море, синее небо над головой, удобная гавань и отличнейшие места для поиска оставшегося от Золотого

Века добра. Ты, кстати, после того как Альхесирас очистишь, куда собираешься корабли направить?

– В Лионский залив, – присаживаясь рядом, сказал он, – а уже из него двинусь вдоль испанского берега обратно к проливу.

– Барселона, Валенсия, Картахена и Альмерия?

– Ага, именно в таком порядке. А ты как на Балтику пойдешь?

– Тоже вдоль побережья. На берега высаживаться не стану, а рыбаков или моряков, обязательно встречу и уже от них получу информацию.

– Отложить поход не хочешь?

– А смысл время тянуть?

– Мне поможешь, в поисках поучаствуешь, и с алжирцами сотрудничество укрепим. Оставайся еще на месяц.

– Нет. Домой тороплюсь.

– Как знаешь. А что с фрегатом своим делать будешь, если все же решишь пешим ходом к Дону идти?

– Мы с капитаном "Ветрогона" вступили в долевое владение кораблем. Как акционерное предприятие, знаешь ведь, что это такое?

– Конечно, знаю, я ведь Семенов.

– Вот. Тридцать процентов всего, что принесет "Ветрогон", теперь в доле Скокова, и за это он продолжает командовать фрегатом.

– А семьдесят процентов, значит, тебе станет отстегивать?

– Только пятьдесят, еще двадцать на экипаж раскинули. Впрочем, что это мы все о делах и походах? Насколько я понимаю, ты о чем-то другом хотел поговорить?

Каперанг посмотрел вокруг, никого постороннего не обнаружил, достал из кармана брюк пачку фильтрованных сигарет "Элита", которые с недавних пор стали выпускать в Конфедерации, угостил меня, мы прикурили от одной спички, и он спросил:

– Действительно, о другом поговорить хотел, – я промолчал, затянулся дымком, и он продолжил: – Скажи, что это за пес все время рядом с тобой крутится?

– Мой домашний питомец, хорошо дрессированный волкодав.

– Давай без этого, – поморщился Семенов.

– Без чего, без этого? – я изобразил непонимание.

– Не надо вранья.

– А что ты хочешь знать, и почему тебя так интересует какая-то собака?

Каперанг помедлил, сделал глубокую затяжку, выдохнул и продолжил:

– Этим летом Симаков и некоторые близкие к нему господа-товарищи завели себе точно таких же псов. Поначалу все думали, что это какая-то причуда, однако особо наблюдательные люди, в том числе и из госбезопасности, заметили, что собачки слишком уж умные. Мне бы тоже хотелось такого четвероногого друга рядом с собой заиметь.

– Это не ко мне, тезка. У меня самец, и я щенками не торгую.

– Значит, не хочешь сказать, где такие умные псы водятся... Или, может быть, ты подписку о неразглашении давал?

– Правильно все понимаешь, на некоторые вопросы я ответить просто не могу.

– А кто может?

– Хм! Симаков или кто-то из тех, кто в столице большой начальник.

– Например, твой патрон генерал-майор Еременко?

– Да, только сразу тебе скажу, это тайна невеликая, так что рано или поздно она все равно станет достоянием общественности. Потерпи, и все узнаешь.

– Ладно, не можешь на эту тему говорить, значит, замнем ее и будем считать, что я тебя ни о чем не спрашивал.

– Договорились.

Семенов встал, я следом и мы расстались. Расстроенный тем, что не смог узнать что-то о разумных псах, комендант базы отправился к восстанавливаемой береговой РЛС, возле которой сутились бригады техников, а я спустился вниз, вскоре был на "Ветрогоне" и до самого позднего вечера вместе со Скоковым провозился с морскими картами европейского побережья...

Следующим утром построение личного состава базы происходило не на плацу, а на причале. Нас провожали с душой, не было оркестра и торжественных речей никто не толкал, но достаточно было взглянуть в лица людей, чтобы понять одну простую истину – нам здесь в любом случае будут рады, и если сейчас я отдам команду остаться в "Гибралтаре" еще на месяц, никто против не будет.

Разумеется, отменять или переносить дату выступления в поход я не стал и, под бодрые крики остающихся на берегу, "Ветрогон" отчалил, развернулся и на среднем ходу покинул свою очередную гавань.

Одиноким корабль прошел пролив, выскочил в Атлантический океан и, держась ввиду береговой черты, начал свое путешествие к Балтийскому морю. День шел за днем, мы прошли Кадис, мыс Сан-Висенти, Назаре, Порту и Ла-Корунью. Ни одной рыбацкой лодки и полнейшее запустение. Кругом, заросшие лесом развалины некогда огромных городов и одичание. На берег мы не сходили, но и того, что видели в оптику, хватало с избытком. В этих местах царил регресс. Люди стремительно дичали, и как мне тогда казалось, вся Испания и Португалия стали одним огромным полигоном по воспроизводству дикарей вроде российских "беспределов", с которыми мне в свое время довелось повоевать.

Четвертый день похода. "Ветрогон" вошел в Бискайский залив. Мы со Скоковым приняли решение не идти вдоль французских берегов, а немного срезать наш путь. И от городка Хихон, фрегат прямым курсом направился к Ла-Маншу, где и влетел в сильнейший шторм.

Рваные облака мчались по небу с огромной скоростью. Бешено завывал ветер, и через палубу перекатывалась крутая волна. Казалось, что природная стихия противится нам и не хочет пропускать вперед. И будь мы послабее духом, то, несомненно, отвернули бы в сторону, легли на обратный курс и вернулись бы на базу. Однако фрегат выдержал очередное испытание с честью, а моряки экипажа и десантники не сломались, и насчет того, чтобы вернуться, ни один не заикнулся.

Восьмой день похода. Вошли в Ла-Манш, берега не видно, окрестности накрыты густым туманом, и фрегат движется со скоростью всего в десять узлов. БЧ-4 ведет постоянное сканирование радиочастот, и ничего, полный ноль, и только проходя Па-де-Кале, удалось выхватить переговоры некоей Армии Рединга с Герцогом Бирмингемским Магомедом. Что это за армия и кто такой этот герцог с мусульманским именем, было не ясно, связь была плохая, шла на средних частотах, а язык представлял из себя смесь арабского, английского и какого-то ближневосточного диалекта. Тедди Аргайл, который пытался перевести всю эту мешанину, понимал только одно слово из трех, нервничал и просил разрешения попробовать наладить общение с городом Рединг, который был наиболее близкой к нам точкой радиовещания. Разрешения он не получил, все понял правильно, и сделал свою работу как мог.

Десятый день похода. Ночь. Фрегат находится на траверзе военно-морской базы германских ВМС Вильгельмсхафен. С берега нам подают световые сигналы. Однако это не морзянка и не МСС – Международные Морские Сигналы, и разобраться в том, что нам хотят сказать, мы не можем. Вызываем берег на открытых радиочастотах, отбиваем светом, кто мы такие есть, а вместо ответа, по нам открывают артиллерийско-минометный огонь, да такой плотный, что только благодаря темноте, скорости и маневренности корабля, нам удалось уйти без особых повреждений.

День четырнадцатый. Ровно две недели минуло с того дня, как "Ветрогон" покинул "Гибралтар". Фрегат проходит Зундский пролив, радио молчит, однако на берегу видны рыбацкие поселки и попадаетесь множество свидетельств того, что здесь имеется какая-то цивилизация. Мы попытались остановить одиночную рыбацкую шхуну и переговорить с обитателями этого края, но не тут-то было. Местные люди настороже и о нашем появлении предупреждают друг друга дымовыми сигналами.

"Черт с вами, – наблюдая за очередной деревянной лодкой, которая скрывается в узкой скалистой гавани, думаю я, – еще встретимся, а гоняться по берегу за языком, пока не стоит".

Пятнадцатый день похода. Раннее утро. Траверз города Мальме. Снова опускается густой туман. Ни видно, ни зги и, временно, фрегат ложится в дрейф. Проходит какое-то время, не более часа, и ко мне подходит Лихой, он беспокоится, чувствует чужих людей и слышит плеск весел. Я доверяю псу, у которого органы обоняния и слух развиты гораздо лучше, чем у любого человека, и даю команду приготовиться к возможному бою. Скоков предлагает наплевать на почти нулевую видимость и продолжить движение, но мы не в открытом океане и не в Средиземке, так что понапрасну рисковать кораблем не стоило. К тому же была необходимость взять пленника, и раз так, то надо готовиться к встрече с местными пиратами. Комендоры занимают свои боевые посты, а десант ждет в гости абордажиров.

Капитан остается на ходовом мостике, а я в сопровождении Лиды и Лихого выхожу на радарную площадку и оглядываюсь. Серым холодным молоком туман накрывает все вокруг. Тишина, ни всплеска, ни шепота, ничего. Так проходит около десяти минут, и вот, начинается движение.

Не менее сотни металлических кошек одновременно падает на палубу в районе вертолетной площадки. Резкие рывки, крючья скребут по металлу палубы, цепляются за леера, канаты подрагивают, и на борту появляются самые настоящие викинги. Множество бородатых дядьков в кольчугах, кожаных жилетах, рогатых шлемах, при щитах и с топорами в руках. Полная идентичность с картинками из старых книг, и о том, что скандинавы не пришельцы из прошлого, а являются жителями нашей эпохи, говорят только несколько огнестрельных стволов за спинами некоторых бойцов.

– А-а-а-а! – грозно и яростно разносится над палубой "Ветрогона" и балтийские пираты кидаются к надстройке.

– Огонь! – крикам пиратов вторили команды наших сержантов, и десант начинает отстрел незваных гостей.

Как таковой, бой длится недолго. Огонь автоматов калибра 5.45, это значит, чтобы палубу не портить, вымел передние ряды атакующих вчистую, а кто из викингов вовремя успел сообщить, что к чему, тот выбросился за борт. В общем-то, шансов у скандинавов не было, все двери в надстройку заперты изнутри, а сверху на ней почти вся наша десантная партия сидит.

– Мечник вызывает мостик! – произнес я в рацию.

– На связи! – мне ответил Скоков.

– Что радар показывает?

– Ничего кроме камней и скал вокруг нашего местоположения. Видимо, у местных жителей лодки из дерева.

– Скорее всего. Запускай движки, руль лево на борт, и на месте погоняй. Циркуляция у нас небольшая, всего только миля, так что в скалы не врежемся, а пиратские лодки корпусом раскидаем и покрошим.

– Понял!

В машинном отделении взревели турбины. Скоков начал маневры, а я спустился на вертолетную площадку, туда, где десант добивал раненых викингов и искал, с кем бы можно было пообщаться. Двоих более или менее вменяемых пленников оттянули в сторону, а трупы мертвых пиратов раздевали и выкидывали в воду. Оглядевшись вокруг, я наклонился к одному из

павших и с усилием выдернул из его оцепеневших рук старую потертую винтовку, неизвестной мне модели. Передернул затвор, и в кровь упала позеленевшая от времени продолговатая стреляная гильза. Вновь передергиваю затвор, пуля, еще раз, и пустой щелчок. Интересно! Обойма пятизарядная, а патронов у дикаря только два. Это говорит о многом.

Отбросив винтовку, я подобрал хороший и видно, что недавно выкованный однолезвийный топор. В руке сидит как влитой, по весу килограмма три с половиной вместе с топорщиком, и пару раз взмахнув им слева направо перед собой, я убедился в том, что оружие это очень неплохое и изначально делалось для войны. Еще одна засечка в память, и позже, необходимо собрать командиров отряда, и обсудить с ними сегодняшнее событие.

– Мечник, берегись! – услышал я голос стоящего метров за пять от меня Крепыша.

Голова не думает, и тренированное тело все делает само. Я пригибаюсь, перекатом ухожу вперед, и над головой свистит что-то чрезвычайно острое и смертельно опасное. Рывком я поднимаюсь с палубы и прямо перед собой вижу одного из викингов, здоровенного и чем-то напоминающего дикого лесного зубра мужика, который залит кровью с ног до головы и держит в руке ровный меч сантиметров восьмидесяти в длину. Он что-то выкрикивает, видимо, обзывает меня и воинов отряда нехорошими словами, но ни я, ни мои люди, местного языка не понимаем и его оскорбления пролетают мимо нас.

Викинг бросается на меня. Он очень быстрый и ловкий, это сразу заметно. Достать пистолет я не успеваю, мои парни за спиной и своим телом я закрываю нападающего. Приходится встречать противника тем, что есть, то есть, топором. Пусть, я ни разу не фехтовальщик и не средневековый рыцарь. Но что такое рукопашный бой, в том числе и против человека с холодным оружием, я понимаю очень хорошо.

Имитация броска влево! Викинг ведется на мою хитрость, подается всем телом навстречу, рубит воздух, а я уворачиваюсь от его клинка и ухожу вправо. Противник быстро оборачивается, на миг замирает, и попадает на прицел автоматчиков. Сейчас я могу дать команду бойцам, и скандинаву прострелят его лихую головушку, но на меня накатывает какая-то веселая бесшабашность и уверенность в том, что я опытней, сильнее и хитрей своего противника.

– Не стрелять! – подняв вверх левую ладонь, выкрикнул я. – Сам его сделаю!

Пиратский недобиток прислушивается к моим словам и мне кажется, что он понимает меня. На последних моих словах, он ухмыляется и теперь сомнений в том, что он знает русский язык, не остается.

Вновь выкрикнув что-то непонятное, викинг снова прыгает на меня, а я не отступаю и, даже наоборот, делаю короткий и резкий шаг вперед, и встречаю меч обухом. Мощный удар сотрясает все мое тело, но топорщик выдерживает, и я смог устоять на ногах. Новый замах меча. О чем думает противник, и чему он учился, я не знаю, но все его приемы кажутся мне смешными. Бросок топором! Окованная металлом пятка врезается в голову здоровяка, и он падает на спину. Викинг беспомощен, его можно добить, а можно и повязать. Однако, подобрав топор, который отскочил от очень крепкой головы пиратского воина обратно к моим ногам, я взмахнул им в сторону скандинава, мол, вставай, и добавил:

– Подъем, воин! Даю тебе еще один шанс.

Местный вояка встал, встряхнул головой, провел по ней ладонью, сплюнул на палубу тугой сгусток из слюны и крови, подобрал свое оружие и начал осторожное сближение. Небольшие взмахи мечом вверх и вниз. Подобно птице меч перелетает из правой ладони в левую. Опять взмах и оружие возвращается в правую руку. Очень похоже действуют некоторые бойцы в наемных отрядах, перебрасывают кинжалы из одной руки в другую и так путают своего противника. Действенный метод, вот только при этом надо смотреть не на клинок, а в глаза соперника. Руки и движения хорошо тренированного бойца могут запутать тебя, а вот глаза не соврут, и всегда скажут, что задумал враг.

Шажок. Второй. Третий. Между нами только полтора метра залитой кровью палубы и один труп. Скандинав делает рывок. Ему кажется, что если я неподвижен, то блеском своей стали, он заморозил меня. Но северянин ошибается. Меч сталкивается с топором и вышибает несколько еле заметных искр. Викинг хочет провести какой-то прием, выкручивает из моих ладоней мечом топориче, и я ему не препятствую, отпускаю оружие и делаю шаг на него. Он хочет податься назад и уклониться, но против меня, несмотря на всю свою ловкость, силу и быстроту, скандинав словно дворовый тузик против матерого волка.

Сжатыми костяшками пальцев, я несильно ударяю по его горлу. Местный пират теряется, задыхается, ловит ртом воздух и падает на колени. Ногой бью по мечу, железяка снова отлетает в сторону, и я киваю на своего противника десантникам:

– Связать и посадить в карцер!

Бойцы вяжут викинга, а я оглядываюсь на море. Туман начал рассеиваться, видимость около полумили, фрегат продолжает свое движение по кругу, и на воде плавают множество разбитых досок и несколько пока еще живых людей.

"Да, – думаю я, – неласково нас Балтика встречает. Только вошли, и сразу же схватка. Что оно дальше будет, и куда судьба повернет, непонятно. Однако мы снова победили и потерь не понесли, а значит, путешествие к дому продолжается".

Глава 2.

Балтийское море. 24.03.2065.

После боя вблизи Мальме, на месте сражения мы задерживаться не стали и "Ветрогон" продолжил свое движение. Проходя через место гибели пиратской лодочной эскадры, в дополнение к уже имеющимся трем пленникам, бойцы на ходу выловили из воды еще четверых, и фрегат помчался на юго-восток.

К полудню наш корабль вышел из пролива между Данией и Швецией, и я приказал снова лечь в дрейф. Матросам предстояло навести порядок на палубе и осмотреть легкие повреждения, которые остались от столкновения со скандинавскими лодками. Пока шла эта работа, командиры отряда занялись допросом пленных. Шестеро, самые обычные рядовые бойцы, которые не понимают нас, а мы не понимаем их. А вот седьмой, тот самый здоровяк, которого я в рукопашной схватке свалил, оказался полусотником из личной дружины местного князя. Звали его Эрик Троль. Он, и в самом деле, знал русский язык, имени своего не скрывал и, как только оклемался, сразу представился караульному бойцу полным именем и сказал, что готов к сотрудничеству.

Скандинава привели в офицерскую кают-компанию, и Эрик, уже отмытый от крови и перевязанный бинтами, смотрел на окружающую его чистоту и порядок, как на нечто чудесное и волшебное. Он постоянно оглядывался, принимался к вкусным запахам, которые доносились с камбуза, поглядывал на офицеров, полукругом сидящих вокруг длинного обеденного стола, и в этот момент, напоминал самого настоящего дикаря из какого-нибудь далекого Чуркестана.

"Вот тебе и "просвещенная Европа", – разглядывая скандинава, подумал я, – африканские берберы на танках катаются, а наследники викингов впали в средневековье. Строят простейшие драккары, куют мечи с топорами, и пытаются взять на abordаж, переделанный на современный лад фрегат УРО. Впрочем, возможно, все не настолько плохо, как оно мне кажется. Для начала следует узнать, что творится на берегах омываемых водами Балтийского моря, а только тогда уже судить и рядить людей со своей колокольни".

– Поговорим? – спросил я у викинга.

Шмыгнув носом и не спрашивая разрешения, скандинав присел напротив меня, и ответил:

– Давай. Вот только... Мне бы выпить чего-нибудь, а то в горле пересохло.

– Вестовой! – я повернулся к камбузу.

– Да, командир? – В дверях появился смуглый паренек лет двадцати, бывший личный повар адмирала Папастратоса, киприот Джордано, для всех нас просто Жора, который после того, как фрегат стал нашим, остался на своем посту и продолжал обслуживать корабельных офицеров.

– Жора, принеси графин воды.

– Да, какая вода? – усмехнулся скандинав. – Мне бы чего покрепче для внутреннего обогрева и чтобы разговор хорошо пошел.

Вестовой вопросительно посмотрел на меня, и я согласно качнул подбородком:

– Бутылку водки из кубанских запасов, закуску и одну стопку.

Заказ появился перед пленником в считанные секунды, как если бы Жора знал, что может понадобиться, и приготовил все заранее. Эрик уважительно посмотрел на граненую бутылку емкостью в 0.7 литра, открутил жестяную пробочку и, не пользуясь рюмкой, сразу приложился

к горлышку. Одним махом этот бородатый здоровяк выпил треть бутылки, поставил ее на стол, одобрительно крикнул и вслух прочитал надпись на этикетке:

– "Георгиевская", производитель Туапсинский завод вино-водочных изделий семьи Ильских.

– Ты еще и читать умеешь? – удивился я.

– А то! И читать и писать на трех языках умею, – Эрик расплылся в широкой улыбке и обнажил свои крупные желтые зубы. – Думаешь, раз нет у нас техники и мало огнестрельного оружия, так с варваром общаешься?

– Именно так и думаю, – своего мнения я скрывать не стал. – Где русский язык выучил?

– Мой ярл, Ульф из Кристианстада, по поручению шведского короля Никласа три года возглавлял посольство в Сестрорецкой Рабочей Республике, а потом пять лет по Прибалтике путешествовал. Куда мой ярл, туда и я с ним. У меня с детства к языкам талант, на лету любое наречение разбираю, вот и был вместо переводчика.

– Зачем мы тебя в живых оставили, понимаешь?

– Конечно. Вам сведения нужны о том, что здесь после "чернушки" творилось, – он еще раз посмотрел на каждого из присутствующих, весело подмигнул Лиде, и продолжил: – Жить хочется, поэтому ничего скрывать не стану и расскажу все, как есть и без всякой утайки. Но хотелось бы знать, с кем я говорю и зачем вы в наши края пожаловали.

– Мы с Черного моря, Кубанская Конфедерация, отдельный отряд дальней разведки. Я командир отряда капитан госбезопасности Александр Мечников.

Эрик обдумал информацию, еще раз приложился к бутылке, снова не закусил, резко выдохнул и сказал:

– Задавай свои вопросы, капитан. Что знаю, постараюсь рассказать. С чего начать?

– С вашего короля, его сил, средств и технического потенциала. Затем, про соседей ваших расскажи, про балтийское побережье и про то, что сейчас на территории России творится.

– Это весь день можно говорить.

– А мы пока никуда не торопимся и время свободное имеем.

Викинг покосился на бутылку и кивнул на нее:

– А еще выпить дашь?

– Любишь крепкие напитки?

– Под градусом жизнь веселей и родину продавать легче.

– Мне выпивки не жаль, – я пожал плечами. – Посмотрим, как разговор пойдет, и в каком ты состоянии будешь. Так что если будет за что налить, проставлюсь по полной программе и жизнь оставлю.

В этот момент мне показалось странным то обстоятельство, что скандинав слишком легко идет на контакт. Не так он прост, как хочет казаться и, скорее всего, в посольстве на русскую землю, этот воин выполнял функции не только переводчика, но и шпиона. Однако выбирать особо было не из кого. Кто попался в плен, с того и будем получать сведения.

Тем временем, тяжело вздохнув, Эрик Тролль начал свой рассказ, и болтал он без остановки четыре часа, без малого. За это время, он в одно рыло выпил полтора литра водки, пьяным не выглядел, и был готов делиться информацией дальше. Но все самое основное о положении дел на Балтике, мы уже уяснили, а частности могли подождать до более удобного случая.

По моей команде пленника отвели обратно в карцер. Офицеры разошлись по своим подразделениям и боевым частям, а я закурил, и под большую кружку свежесваренного чая с родных плантаций, начал раскидывать новые данные на составляющие.

Итак, что же мы имеем?

Первым делом, Скандинавия. Насколько я понял Эрика, сразу же после чумы здесь появилось государство, главной направляющей силой и стержнем которого стало языческое общество "Асатру". Сторонники древних языческих традиций смогли сформировать первое

правительство, достаточно быстро объединить всю Скандинавию, перебили большую часть инородцев и объединили разрозненные группы людей. После этого на фоне всеобщего развала и хаоса в мире, будущее местных жителей, имеющих над собой крепкую и амбициозную власть, было обеспечено. Однако судьба не улыбнулась потомкам викингов. На пятый год после чумы, как ее здесь называли "чернушка", началась гражданская война. И как итог, неокрепшее федеративное объединение скандинавских народов развалилось на части. Так что сейчас в этих местах четыре крупных королевства на уровне позднего средневековья и около полутора десятков отстаивающих свою самостоятельность и независимость мелких феодальных владений. Сам Эрик служит ярлу Ульфру из Кристианстада, а тот, в свою очередь, как верный вассал номинально подчиняется шведскому королю Никласу. Из всех теперешних скандинавских государств, Шведское королевство самое мощное, а потому, можно рассмотреть только его, а все остальные, постольку поскольку.

Итак, королевство Швеция. Система правления – монархия. Население – точные цифры неизвестны, но по самым скромным и приблизительным прикидкам, никак не меньше двухсот пятидесяти тысяч человек. Столица – Стокгольм. Территория – три четверти Швеции до прихода чумы. Административное деление – черт его знает. В провинциях правят военные вожди, по-местному самоназванию ярлы. Они частенько воюют между собой, отбирают друг у друга деревеньки и кроют территории, как только пожелают, так что можно сказать, что раз есть сорок три ярла, значит, имеется такое же количество регионов и большой королевский феодал. Промышленность – кустарное производство и маленький заводик по обработке металла в столице. Все остальное похерено, разграблено и уничтожено во время гражданской войны. Нефти нет, уцелевшие корабли и техника ржавеют, а в столице строится первый пароход и король Никлас мечтает о технической революции. Пока же, его мечты неосуществимы, ярлы живут своим умом, ходят в военные походы за море, дерутся с соседями и примучивают своих аграриев.

Повторюсь, в Скандинавии это самое мощное государство, а что творится в более захудалых Дании, Норвегии и Великом Княжестве Альта, расположенном на севере, можно только предполагать.

Теперь, что касается нас и обстоятельств пиратского нападения шведских воинов на "Ветрогона". Оказывается, о проходе через Зунд боевого корабля без опознавательных знаков в Мальме сообщили сигнальными дымами и огнями еще за сутки до нашего подхода. Местные ярлы, а их в городе было трое, собрали своих охламонов в древних доспехах и несколькими винтовками, и решили, что раз мы не бесчинствуем и не стреляем из пушек во все, что движется, значит, мы слабаки. Раз так, то фрегат сразу записали в потенциальные жертвы и решили его захватить. Тем более что имелась некая история с Людьми Моря, которые некогда причинили местным жителям много бед, и местные князьки решили, что возвращаются старые враги.

Туман опустился на море, как нельзя, кстати. Места для воинов из Мальме здесь знакомые, где мы легли в дрейф они засекли, и сходу попробовали захватить знатный трофей. Однако викинги обломались. В результате боя и маневров фрегата они потеряли больше двухсот своих воинов и около двадцати лодок, так что теперь, когда мы показали зубы, с ними всегда можно пообщаться на равных. Жаль, времени на общение с ярлами и их королем нет, а то можно было бы примерно и показательно наказать местных властителей за разбой и самим трофеями разжиться.

Откинувшись на спинку стула, я посмотрел в бортовой иллюминатор, сделал пару глотков бодрящего напитка, и переключился на другие объединения людей в пределах Балтики.

Германия: По словам Эрика, на территории этого государства с древней историей, кочуют дикие племена. Хм! Если уж он, человек средневековья, считает тамошних людей дикарями, скорее всего, так оно и есть. Хотя полностью на его слова полагаться тоже нельзя, ведь кто-то же обстрелял наш фрегат в районе Вильгельмсхафена. Значит, цивилизация и там имеется, а

скандинавы пока путешествуют только в пределах Балтийского моря, осторожничают, в океан не выходят, и о том, что творится на побережье Западной Германии, могут попросту не знать. Надо будет этот вопрос уточнить и расспросить пленника более подробно.

Далее, остальные страны Балтийского региона.

Финляндия: какие-то поселения имеются в глубине материка, а тех людей, кто на побережье жил, давно уже в рабство угнали. Польша: большое по нынешним временам количество сельских поселений, но опять же, в прибрежной зоне никого. Латвия, Эстония, Литва и Калининград: Эпоха Хаоса там длится до сих пор. Потомки местных жителей, русских и прибалтов, имеют какую-то промышленность и пару пароходов, и могли бы развиваться. Но они заняты только тем, что режутся против отрядов польской конницы, которые каждый год приходят откуда-то с юго-запада.

Такие вот дела и я перехожу к основному пласту полученных от Эрика сведений. Ленинградская область: Три государственных образования, которые помогают друг другу и имеют договор о взаимопомощи и экономическом сотрудничестве. Примерная численность населения во всех анклавах, более трехсот пятидесяти тысяч человек.

Самое мощное государство из трех, это протянувшаяся от Выборга до Парголово Сестрорецкая Рабочая Республика. Имеется переведенная на уголь промышленность в виде нескольких заводов, рыболовецкие артели и несколько пароходов, а по железной дороге катаются паровозы. На взгляд Эрика, который прожил в республике долгое время, это рай земной. Посмотрим.

Второй русский анклав, находящийся под контролем поисковиков и всякого прочего вольного люда, полузатопленный город Питер. Долгое время, пока бушевала чума, и после нее, когда народ боролся за жизнь, следить за городом было некому, а когда кинулись, исправить ситуацию, и отвести воду от города было уже некому. Мастеров практически не осталось, техники нет, топлива нет, ну и, разумеется, огромных человеческих ресурсов, как при Петре Первом, тоже. Жители покинули заболоченную и местами притопленную Северную Пальмиру, и ушли в окрестные леса. Но все же там было многое из того, что могло понадобиться людям в будущем, и группы отчаянных добытчиков, готовых вести поиск чего-нибудь стоящего и ценных механизмов, устремились в этот приморский мегаполис. Шли годы, поисковики объединялись, свыкались со своим житьем и на данный момент стали самым настоящим племенем, которое живет по своим суровым законам, никому не кланяется и имеет собственную выборную власть. Насколько слышал Эрик, рабочие из Сестрорецкой республики посылали в город своих бойцов, которые хотели взять под контроль вольный люд, но у них ничего не вышло, и с тех пор, посторонние в Питер не лезут, себе дороже станет.

Третий анклав уцелевших и сохранивших хоть какую-то организацию людей, раскинулся неровным треугольником от Гатчины до Ораниенбаума и реки Луга. Эта община была самой малочисленной, но в то же самое время, наиболее боеспособной и обеспеченной, поскольку основали ее моряки Балтийского флота и армейцы, которые во время всеобщего хаоса смогли взять под контроль большинство военных складов в Ленинградской области и на побережье. Жили они тихо, никого не напрягали и, по непонятной для меня причине, власти не искали, а контролировали сельское хозяйство в районах и торговали боеприпасами да амуницией со своих складов. В общем, что-то вроде торгово-феодалного графства или княжества, где есть элита, и работное сословие. Называлось это государственное образование просто и незатейливо: Гатчинский Военный Округ.

Такое вот положение дел на Балтике. Конечно, информация эта неточная, самая общая, и информатор всего лишь полусотник княжеской дружины, по крайней мере, он называет себя таковым, но и это уже немало.

Что дальше? Конечно же, мы продолжаем свое путешествие к российским берегам, поскольку топлива в танках фрегата остается не так уж и много, чуть больше половины от

того объема, что был взят на базе "Гибралтар". Именно поэтому мы не можем отвлекаться на разборки со шведами и, чего уж скрывать, грабеж окрестных территорий, если таковым заниматься всерьез, откладывается на неопределенное время.

Допив чай, я встал и направился наверх. Два пролета по внутреннему трапу, вхожу на ходовой мостик и неизменный голос вахтенного матроса:

– Командир на мостике!

Прокладывающий по карте новый курс, Скоков, приподнял голову, посмотрел на меня и вопросительно кивнул:

– Что решил?

– Средним ходом идем к Питеру.

– Понял. Сейчас прокладку закончу, и начнем движение.

Он вернулся к своей работе, а я спросил:

– Что боцманская команда доложила?

– Все в порядке, – не поднимая головы, ответил капитан "Ветрогона". – На внешних бортах пара вмятин, но ничего серьезного, винты чистые и вертолетная площадка обстрел из АКСов выдержала.

– Хорошо.

Вскоре прокладка нового курса была окончена, рулевой занял свое место, посыпались команды Скокова, движки фрегата снова заработали и мы продолжили свой путь. Мое присутствие на мостике не требовалось. Не следует лишний раз напрягать вахтенных матросов и отвлекать капитана от руководства судном, и я направился в обход по кораблю.

Всюду порядок. Матросы занимаются своим повседневным трудом. Десант чистит после боя оружие и перебирает трофеи. Кто-то сидит в курилке, а кто-то в одном из помещений отведенных под спортзал штангу тягает. В общем, все как обычно, очередная схватка позади, нервы никого не бьют, и пьянства не замечено.

Я вспомнил за алкоголь, и ноги сами принесли меня к карцеру, в котором томился Эрик Тролль. Переделанное из кладовки для лакокрасочного материала в одиночную камеру для особо важных пленников, небольшое глухое помещение на основной палубе, три с половиной на три метра, раковина, топчан и табуретка. Сидящий на стуле рядом с дверью молодой боец из одесситов вскакивает, и я киваю на навесной замок:

– Открывай.

Дверь распахивается и, чуть пригнувшись, я вхожу внутрь. Пленный викинг, закинув широкие ладони за голову, лежит на топчане, смотрит на меня и спрашивает:

– Что капитан, еще что-то хочешь узнать?

– Да так, – присаживаясь на табуретку у самого входа, ответил я, – захотелось еще с новым человеком пообщаться.

– Интересно с варваром поговорить, покуражиться и почувствовать себя цивилизованным человеком? – Эрик сел и пристально посмотрел на меня.

– Не в этом дело. Есть и более отсталые граждане, чем вы, которые человечинку едят и кровосмешением не брезгуют. Вот это да, там я цивилизатор. А у вас все шансы имеются, чтобы быстро с колен подняться и возродить хоть что-то из того, что до Черного Трехлетия было.

– Странный ты, – викинг усмехнулся. – В Сестрорецке меня частенько нашей технической отсталостью и откатом к дикости попрекали, а ты все это только как факт воспринимаешь. Неужели неинтересно, как мы всего бывшего величия лишились?

– Зачем? Это я и так знаю. Ты сказал, что началась гражданская война, и этого достаточно. Наверняка, на начальном этапе воевали все и против всех. Затем войска выдохлись, а лидеры стали новые силы собирать, и уничтожать все вражеские предприятия и лучших масте-

ров. Пять-шесть лет такой кровавой мясорубки и не остается практически ничего, а что еще имеется, то обслуживать некому. Правильно?

– Ну, примерно так все и было. Только ты это как понял?

Усмехнувшись, я ответил:

– Так дела почти на всей планете обстоят, и государств, которые смогли сохранить в порядке техническое наследие прошлого, совсем немного.

– Ясно. Что ты еще хочешь узнать, капитан Мечников?

– Скажи, ты ведь в Сестрорецкой республике не только посольские обязанности выполнял?

– С чего ты так решил?

– Больно ты грамотный и шустрый, а такие люди всегда интересуют разведку своего государства, и если они не дураки, то работают на нее.

– Так мы же варвары? – Эрик хитро прищурился.

– Это не отменяет того, что у вас нет разведки.

Викинг помедлил и согласился:

– Было дело, выполнял пару заданий по поручению одного из королевских сановников.

– Значит, в Сестрорецке у вас имеется агентурная сеть?

– Я никого не сдам! – нервно воскликнул пленник.

– А мне этого и не надо.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– По прибытии в Сестрорецкую республику я тебя отпущу. Все, как и обещал. А дальше сам определяйся, куда ты пойдешь и чем займешься. Но перед этим навестишь ваших шпионов и через них передашь письмо вашему королю. Если так случится, мое послание дойдет до адресата лично в руки?

– Должно дойти, там люди верные.

– Вот и славно.

– А что ты ему написать хочешь?

– Объясню Никласу про то, как видится бой под Мальме с моей стороны, и предостерегу его от поспешных выводов. Если все пойдет так, как я предполагаю, то в будущем, года через два или три, корабли Конфедерации будут частыми гостями в Зундском проливе, и твой король должен навести в тех краях порядок, а иначе его наведем мы. Понятно излагаю?

– Куда уж понятней.

– Отлично. Теперь скажи мне, Эрик Троль. Что ты знаешь о других людских анклавах, которые имеются на территории России?

– Это помимо Питера и окрестностей? – уточнил он.

– Да.

– Мало что известно... – Эрик замялся.

– Говори, как есть, невзирая на секретность или еще что-то. В любом случае, по прибытии в Сестрорецк, я все узнаю. И если ты утаишь от меня информацию, я это пойму и могу пересмотреть наш уговор относительно твоей свободы.

– Ладно, – через силу кивнул скандинав, – не угрожай, пуганные мы...

– А это и не угроза, а констатация факта.

– Что тебя конкретно интересует?

– Москва. В первую очередь меня интересует, имеет ли Прибалтика с ней связь и, если да, то, как это происходит?

– В точку бьешь, капитан, – Эрик уважительно посмотрел на меня и хмыкнул. – Насчет Питера и Гатчины не скажу, мы с моим ярлом в тех краях только проездом были и не задерживались, а Сестрорецк, действительно, контакты с Москвой поддерживает. Местное началь-

ство это в секрете хранило, но у нас получилось кое-что узнать. Связь Сестрорецка с Москвой осуществляется по радио, и два анклава хотят наладить между собой постоянную торговлю.

– Как, ведь большинство железных дорог к использованию давно уже непригодны?

– Водный путь. Через Ладожское озеро мимо Волхова и Тихвина. По реке сохранился выход в Рыбинское водохранилище, а там по Волге и до самой Москвы добраться можно. Однако ты учти, это все несколько лет назад было, а как сейчас у них дела обстоят, я просто не знаю.

Вот это уже, в самом деле, информация была очень важная и, уточнив пару деталей, я оставил дальнейшие расспросы на завтрашний день, а сам отправился в свою каюту, ворошить старые атласы и карты России. Наконец-то, появились первые задумки на то, как нашему отряду поскорее добраться в родные края и это согревало душу даже больше, чем утренняя победа над викингами.

Глава 3.

Балтийское море. 28.03.2065.

Встречу с братьями по разуму, крови и языку из Сестрорецкой Рабочей Республики я представлял себе в самых радужных красках.

Предполагалось, что когда мы войдем в Финский залив, то на открытых международных радиочастотах, сразу же вызовем на связь местные власти. Обозначим себя, они укажут нам курс к уцелевшим пирсам, а возможно, что даже вышлют нам навстречу лоцманское судно. Дальше фрегат причаливает к берегу, и нас с радостью встречают. Я веду переговоры с республиканскими начальниками, объясняю нашу ситуацию, и делюсь с ними информацией о том, что творится в мире. После всего этого мы договариваемся с ними о сотрудничестве в торговой сфере, и наш отряд делится на две части. Фрегат под командованием Скокова и двадцать десантников возвращаются на ВМБ "Гибралтар" и помогают Семенову в его трудах. А я вместе с остальными воинами, при содействии и поддержке властей Сестрорецкой республики, начинаю свой поход на ридну Кубань.

Однако я ошибался, а все из-за того, что изначально опирался на недостоверную и неполную информацию, полученную от Эрика Тролля. Скандинав так ярко и красочно расписывал счастливое и добропорядочное общество всеобщего равенства и братства, которое царило в СРР, что иные прибалтийские анклав, ни мной, ни командирами отряда, как возможные будущие партнеры, просто не рассматривались.

Впрочем, Эрик ввел меня в заблуждение не специально и зла за поражение своих братьев-викингов под Мальме на нас не держал. Он давно уже не был в этих краях, и о том, что творилось на территории Ленинградской области и Прибалтики последние пару лет, знал чрезвычайно мало. И оттого, все происходящее с нами в этот день, мы воспринимали не так, как могли бы, если бы владели более полными сведениями об изменениях в жизни Сестрорецка за минувшие полгода.

Итак, сегодня "Ветрогон" вошел в Финский залив. День начинался просто замечательно. Солнечное раннее утро и спокойное море. Мы со Скоковым стоим на ходовом мостике и разговариваем о какой-то ерунде. Радиосвязь работает, через час-другой мы собираемся вызывать на связь Сестрорецкий радиоцентр, и тут на открытой частоте раздается истошный женский крик:

– Помогите!!! Спасите!!! Убивают!!! Кто-нибудь, на помощь!!! Умоляем!!!

Кроме этих слов более ничего, треск динамика и все смолкает. На несколько секунд мы с кавторангом замираем в ступоре. В крике было столько страдания и боли, а на заднем фоне еще и маленький ребенок плакал, что долетевший к нам через радиоэфир крик о помощи, по нервам ударил очень сильно.

– Что это было? – задал я Скокову риторический вопрос.

Капитан фрегата пожал плечами:

– Хрен его знает!

Взяв в руки укэвэшку, я вызвал корабельную радиорубку:

– Кум, это Мечник. На связь!

– На связи! – командир БЧ-4 с ответом не замедлил.

– Крики слышал?

– Да.

– Можешь определить, далеко это от нас и какой пеленг?

– Сигнал был четкий, так что, скорее всего, радиоточка находится недалеко. А пеленг мы не засекали, но если сигнал пойдет вновь, то сразу определим.

– Понятно. Отбой связи!

Пока я разговаривал с радиорубкой, Скоков колдовал вокруг экрана радара, включал разные режимы работы, отсекал помехи, запускал одному ему известные программы и, провозившись пару минут, сказал:

– Четырнадцать миль практически прямо по курсу есть одиночная цель. Скорость шесть с половиной узлов, траверз городка Локса. Если со среднего хода перейдем на полный, то за тридцать пять минут домчим.

Скоков посмотрел на меня и, быстро приняв решение, я согласился с его предложением:

– Полный ход и играй боевую тревогу. Непонятно, что там за судно, но крики настолько душераздирающие, что людей требуется спасать. Мало ли что. Может быть, тонут, а возможно что-то иное...

Недослушав, капитан сразу начал отдавать команды:

– Машинное отделение полный ход! Команде фрегата и десанту боевая тревога! Боцманской команде аврал, приготовиться к проведению спасательной операции!

Стремительно увеличив скорость с семнадцати узлов экономного хода до тридцати узлов полного и, рассекая узким стальным корпусом серые балтийские волны, фрегат устремился вперед, и через двадцать семь минут мы увидели тех, кто нуждался в спасении и молил о помощи. Прямо по нашему курсу, всего в трех милях, на воде горела большая парусная шхуна, которую обстреливал из мелкокалиберных орудий и пулеметов двухтрубный винтовой пароход, водоизмещением от восьмисот до девятисот тонн.

– Сергеич, – обратился я к капитану фрегата, – заходи между пароходом и парусником. Остановим бой, разберемся, кто здесь и кого уничтожает, а уже после этого и определимся, кто нам друг, а кто просто так, мимо проходил.

– Понял.

Фрегат заложил крутой поворот и, не сбавляя скорости, обошел разваливавшуюся на части и горящую шхуну по левому борту, а я взял трубку радиотелефона и на открытой волне вызвал пароход:

– Говорит капитан Александр Мечников! Неизвестный пароход, немедленно прекратить стрельбу, лечь в дрейф и выйти на связь! Всякая попытка оказать сопротивление будет пресекаться в зародыше! Жду вашего ответа!

Мне никто не ответил, хотя антенны радиосвязи на пароходе были видны, и вместо того чтобы сбавить скорость и прекратить стрельбу, пароход только усилил обстрел обломков парусника. Не менее трех тяжелых станковых пулеметов крошили в капусту барахтающихся в воде многочисленных людей, а пара пушек калибра 45-50 мм разбивали каждую целую доску, за которую могли бы зацепиться эти бедолаги, среди которых было немало женщин и детей.

– Мечник, – на связь вышел Кум, – пароход пытается вызвать берег. Но передатчик у них слабенький и мы его сигнал помехами забили.

– Хорошая работа, связь. Продолжайте следить за эфиром.

– Есть!

– Игнач, – посмотрев на безжалостную расправу над гражданскими людьми, я вызвал командира артиллеристов, – на связь!

– БЧ-2 на связи!

– Подави огневые точки парохода и ударь ему под винты, но аккуратно, чтобы судно осталось на плаву.

– Сделаем все красиво и с ювелирной точностью! – пообещал пластун.

Проходит всего несколько секунд, и начинают работать наши АК-630. Шестиствольные орудия артиллерийского артаutomата раскрутились, каждая из двух установок "Ветрогона"

выплюнула несколько коротких, не больше чем по сорок тридцатимиллиметровых снарядов, очередей, и все смолкло. С дистанции в девятьсот метров, пусть даже и на ходу, наши опытные комендоры заставили замолчать пушки парохода, подавили пулеметные огневые точки и разбили ему винты.

– Крепыш, поведешь абордажную партию на борт парохода! – отдал я следующую команду.

– Есть! Ты с нами?

– Да, – подтвердил я и, повернувшись к Скокову, сказал: – Сергеич, сейчас десант высадится на пароход, нас не жди, а сразу же двигайся спасать людей.

– Угу.

Скоков согласно кивнул головой, а я, подхватив находящийся в штурманской рубке АКС и разгрузку с боезапасам, помчался на основную палубу. Пока я на ходу экипировался и спускался вниз, фрегат уже притерся вплотную к борту парохода и на него, с криками: "Всем лежать, работает десант!", перескочили два взвода абордажиров. Мне оставалось только последовать за ними, фрегат отвалился от захваченного нами парохода, а я прошел туда, где была наибольшая суета, то есть на корму.

Разоруженная команда парохода сноровисто тушила небольшой пожар, а несколько наших воинов следили за их работой. Чуть в стороне, подле надстройки, замерли Крепыш и еще трое бойцов отряда, а напротив них стояли двое мужиков. Первый, приземистый и полноватый человек в военно-морском бушлате черного цвета без погон и знаков различия, молчаливый и угрюмый. Вторым, смуглым и похож на азиата, пожилой и сухопарый, а одет в новенький полевой камуфляж. На его погонах три большие полковничьи звезды, и в отличие от моряка, он нервничает, потрясает в воздухе кулаками и что-то выкрикивает. Судя по всему, Крепыш общается с главными командирами на борту, и именно они мне сейчас и нужны.

Я подошел вплотную и остановился за спиной Крепыша, который настороженно оглядывался вокруг себя, и держал руки на перекинутом поперек груди автомате. И не встречая в разговор, я вслушался в эмоциональную речь азиата:

– Повторяю, перед вами полковник Всероссийской армии Идрис Закая и я выполняю приказание вышестоящего командования об уничтожении мятежников из руководства бывшей Сестрорецкой Рабочей Республики. Ваши действия оцениваются мной как пиратство, и о вашем нападении на находящееся под моим командованием судно будет немедленно доложено в Москву. Учтите, так просто это вам с рук не сойдет, и Калининград ответит за свои действия.

Полковник брызгал слюной, выкрикивал множество разных слов, и из того, что он наговорил, я понял следующее. Торговый водный маршрут между Сестрорецкой республикой и Московским диктатом, который с недавних пор стал называться Всероссийским, вроде как с претензией на объединение всех территорий бывшей России, существует уже как минимум пару лет. С Прибалтики на Москву отправлялись наемники, дары моря, некоторые ресурсы и кое-что на меновую торговлю, а из столицы РФ обратно поступали боеприпасы, немного горюче-смазочных материалов и самые примитивные радиостанции.

Обе стороны были довольны своими отношениями, и так продолжалось до тех пор, пока Московский правитель Иван Магомедович Степанов не решил прибрать Прибалтику к своим рукам. Шесть месяцев назад в Сестрорецкой Рабочей Республике, которая строила коммунизм и базировалась на основах учения марксизма-ленинизма, появились столичное спецвойско, по сути своей элитный охранно-карательный батальон. В Сестрорецке к их приезду уже все было готово. Местные ренегаты и шпионы диктатора провели бескровный переворот, а после этого объявили Сестрорецк и весь Карельский перешеек Прибалтийским районом Всероссийского диктата. Немногочисленные вооруженные силы СРР были взяты под контроль солдатами спецвойска, а флот, целых три парохода, несколько парусных шхун и восстанавливаемый корвет Балтийского флота проекта 20380 "Стерегущий", сменили своих командиров.

Простой народ, как всегда, побурчал, поспорил, немного повозмушался, но сопротивления войскам московского диктатора не оказал. Жизнь продолжалась, люди работали и отдыхали, рождались дети, хоронили стариков и, поначалу, в Сестрорецке и прилегающих к нему территориях ничего не изменялось. Однако, московская власть, оглядевшись и закрепившись на новом месте, переждала зиму и начала устанавливать свои порядки. Среди граждан провели политинформацию, и объяснили, что Москва уже более десяти лет находится в окружении орд дикарей-каннибалов, и ведет войну во имя всего разумного, доброго и светлого. Раз так, то и Сестрорецк переводится на военное положение. Выдаваемые на руки рабочим и их семьям продовольственные пайки урезались на сорок процентов, а жители бывшей СРР должны были незамедлительно готовиться к тому, чтобы сформировать боевые дружины ополченцев и отправляться на фронт.

Что было дальше, мне виделось вполне ясно. Граждане новообразованного Прибалтийского района воевать не хотели. Многие рванули на ПМЖ к своим соседям, питерским поисковикам и военным в Гатчину, кто-то ушел партизанить в леса, а бывшие лидеры коммунистической рабочей республики, вместе с семьями погрузились на самую быструю парусную шхуну и направились еще дальше, в Калининград. Видя такое дело, командиры столичного спецвойска, стали местных граждан ловить. В каждом поселке и городке брались заложники, а в погоню за беглыми лидерами был послан полковник Закая. Так бы их и уничтожили без всякой жалости и перетопили в студеных весенних водах Балтийского моря, но они успели выкрикнуть по радио мольбу о помощи, и вот мы здесь. Как итог: пароход разбит, часть беглецов будет жить, а полковник Закая считает нас калининградцами, которые пришли на помощь беглецам и помешали ему выполнить приказ.

В свете того, как произошла наша первая встреча с местными жителями и войсками Москвы, возникает закономерный вопрос, как мне и отряду поступить дальше? Пока это не совсем понятно. Есть несколько вариантов развития событий и, чтобы выбрать наилучший, нам необходима более полная информация о том, что же сейчас происходит на берегу. Послушали одну сторону, а теперь придется выслушать другую.

– Задолбал ты, полковник! – невозмутимый Крепыш слушал выкрики московского офицера долго, но и он устал. – Захлопни пасть и жди решения своей судьбы!

– Да я... – попытался ответить ему полковник, но короткий и резкий удар прикладом автомата по печени заставил его согнуться пополам и он откатился к переборке.

Крепыш повернулся ко мне и виновато сказал:

– Мечник, ну, честное слово, достал уже, гав-гав, гав-гав. Как собака какая-то...

– Нормально, – ответил я.

– Что с ним делать?

– Покарауль пока, а как фрегат всех людей из воды выловит и вернется, тогда и решим.

– Будет сделано.

Я огляделся. Пожар на борту был потушен, весь экипаж согнали в кучу, и всего на пароходе оказалось около семидесяти человек. Пара десятков пленных, как и полковник Закая, в камуфляже, видимо, солдаты спецвойска, а остальные, одеты в робы и штормовки, наверняка моряки из Сестрорецка.

– Скажите, а что с нами будет? – подал голос, до сих пор молчавший человек в бушлате.

– А ты кто?

– Капитан парохода "Выборг" Сомов. Вместе с экипажем был мобилизован на службу Всероссийскому правительству в деле поимки мятежников и дезертиров.

– И что, не жалко было топить женщин и детей?

Сомов поник головой, и еле слышно ответил:

– Жаль, конечно, но у нас дома свои семьи и если бы мы пароход в погоню за шхуной не повели, они бы ответили.

– Понятно, методы нового правительства стары как мир и оригинальностью не отличаются. Что с вами делать, разберемся, а пока скажи мне, кто из ваших бывших правителей, которые на шхуне удирали, самый авторитетный?

– Так, понятны кто, Генеральный Секретарь партийной ячейки товарищ Белов.

– А еще кто?

Моряк опасливо покосился на полковника Закаю, который начал приходить в себя, и быстро ответил:

– Главный Идеолог товарищ Зубровкин и Верховный Комиссар товарищ Плетнев.

– Что за люди? Договориться с ними возможно?

– Сейчас, да. Раньше они интриговали много и за власть между собой боролись, а теперь им делить нечего, все руководство под москвичами и их ставленниками, так что на сотрудничество пойдут.

Пока суть, да дело, к борту парохода вновь прижался "Ветрогон", я вернулся на фрегат, и принял рапорт Лиды, которая со своим взводом помогала боцманской команде проводить спасательную операцию и вела учет вытасканных из воды людей:

– Спасено тридцать два человека. Из них семь мужчин, двенадцать женщин и тринадцать детей. Все размещены в третьем матросском кубрике и медотсеке.

– Проведи по фамильный опрос, и узнай, уцелели ли такие граждане как Зубровкин, Белов и Плетнев. Если таковые имеются, накачайте их обезболивающими и стимуляторами, а после этого на ходовой мостик. Сделай это срочно.

– Сделаю.

Боевая подруга коротко кивнула головой и умчалась в надстройку, а я поднялся на ходовой мостик, и Скоков, который слушал радиопереговоры abordажной партии, и успевший разобратся в том, что здесь происходило, спросил:

– Что теперь делать будем?

– В смысле?

– Ну, мы же с москвичами столкнулись, и теперь получается, что через столицу России не пройти, а обходить Московскую область кругаями, дело хлопотное.

– Чепуха это все, Максим Сергеич, – я присел в штурманское кресло. – Про то, что мы пароход остановили и бывшую сестрорецкую власть от смерти спасли, на берегу не знают, и если всех свидетелей пустить на дно, то никаких следов не останется.

– Значит, – Скоков провел перед собой ладонью, – топим пароход?

– Пока нет. Людей губить ума много не надо, а судно неплохое, и его можно кому-нибудь из приморских жителей продать. Например, тем же самым калининградцам или прибалтам. Они экипаж и московских солдат месяц-другой придержат, а нам больше и не надо. Это как один из возможных вариантов.

– Логично, хотя опасность того, что в Сестрорецке про это узнают, имеется.

– А-а-а! Нам не привыкать, выкрутимся если что.

Прерывая наш разговор, на мостике появились Лида, а за ней следом пожилой мужчина далеко за пятьдесят. Худой, глаза ввалились, и вид очень изможденный, однако глазки внимательные, обшаривают все вокруг, и голова находится в постоянном движении, поворот вправо, поворот влево.

– Разрешите? – спросила Лида.

– Да, проходи и гостя представь, – сказал я.

Мужчина подошел вплотную, остановился напротив моего кресла и, чуть кивнув подбородком, представился сам:

– Бывший комиссар Сестрорецкой Рабочей Республики Яков Алексеевич Плетнев.

– Вы забыли добавить к слову "комиссар" приставку Верховный, Яков Алексеевич.

– Откуда... – было, начал Плетнев, но посмотрел на захваченный пароход "Выборг", и сам себе сказал: – Конечно же, предварительный допрос команды и московских солдат.

– Да, – подтвердил я и спросил: – Кто мы вы уже в курсе?

– Ваши матросы объяснили.

– Яков Алексеевич, так получилось, что мы вас спасли случайно, и с московскими властями нам вступать в конфликт пока нежелательно. Если мы отпустим вас и отбуксируем "Выборг" в некое тихое место, вы сможете там пересидеть пару месяцев?

Бывший Верховный Комиссар над ответом долго не раздумывал и, звонко щелкнув пальцами правой руки, радостно сказал:

– Такое место имеется. В Калининграде нашу шхуну ждут верные люди. Московской агентуры в тех краях пока нет, и пару месяцев мы сможем тихо пересидеть в одной из приморских деревушек. Только вот своим ходом пароход до пункта назначения не дойдет...

– Это понятно, и с проведением буксировочных операций мы вам поможем.

– И что, ничего за это не возьмете?

– А что, у вас имеются ценности?

– Нет. Мы люди идеи, нам золото и прочие богатства в личное владение не требуются. В чем были, в том на шхуну и грузились, а когда пароход стал нас нагонять, из пулеметов отстреливались, вот и поплатились за это жизнями близких людей.

– Хочу вам сказать, что вас изначально не собирались в плен брать.

– Даже так, – еле слышно прошептал Плетнев, – всех коммунаров решили под корень вырубить... Ну, гады, дождетесь, поднимется рабочий класс, и все кровью захлебнетесь...

Плетнев шептал еще что-то, но я его остановил и спросил:

– Итак, Яков Алексеевич, мы с вами договорились?

– Конечно. Вот только позвольте дать вам совет.

– Говорите.

– Вам не стоит отправляться в Сестрорецк на своем корабле.

– Отчего же?

– У вас, его постараются реквизируют в пользу законного правительства России, попросту отберут и фамилии не спросят. И получится так, что хочется вам того или нет, а вы все же вступите в конфликт с московским спецвойском, у которого найдется, чем вас встретить.

Задумавшись, я прикинул возможные варианты нашей первой встречи с новой сестрорецкой властью и пришел к выводу, что в чем-то Плетнев прав. Если тот же полковник Закая, невеликая шишка в спецвойске, ведет себя так, как если бы его слово закон для всех и вся, то, как на появление в гавани отличнейшего корабля отреагируют его начальники? Конфликт, действительно возможен.

– И у вас есть идеи, как этого избежать? – спросил я комиссара.

– Думаю, что да.

– Излагайте.

– Вам необходимо выйти на связь с гатчинскими военными. У вас с ними много общего и точки соприкосновения вы найдете быстро. А уже после этого вы можете вести разговор с генералом Шариповым, который сейчас командует спецвойском, и представляет в наших краях Всероссийский диктат.

– Мы подумаем над вашими словами, Яков Алексеевич. Пока отдыхайте, а вечером я жду вас для более обстоятельного разговора, при котором вы укажете точные координаты того места, куда следует отбуксировать "Выборг".

Сопровождаемый Лидой комиссар Плетнев покинул ходовой мостик. Мы со Скоковым переглянулись, и кавторанг с недоумением произнес:

– Забавный дядечка. Только-только из студеной воды вылез и на борт поднялся, а уже на ходу подметки рвет и в интригу влезает.

– А что ты хотел, Сергеич? В СРР Верховный Комиссар это то же самое, что у нас начальник ГБ. Конечно, масштабы здесь не те, что в Конфедерации, но суть человека неизменна.

– Тогда его поведение становится понятным. И как бы нам не пожалеть, что мы на помощь беглецам поспешили.

– Что сделано, того назад не воротить и, лично я, считаю, что мы поступили и поступаем правильно. Отдадим пароход вместе с солдатами и экипажем Плетневу, а уж он сам разберется, как с ними поступить. Мы в этих краях люди прохожие, и всерьез вступать во все местные разборки не стоит.

– Это верно, – Скоков встал, подошел к планширю и, посмотрев через иллюминатор на наш очередной плавучий трофей, спросил: – Когда начинать буксировку?

– А прямо сейчас и начинай. Курс на Калининград!

Глава 4.

Гатчинский Военный Округ. 01-04.04.2065.

"Ветрогон" взял на буксир захваченный нами пароход и направился в сторону Калининграда, древнего Кенигсберга. Однако побывать в этом анклавe нам не довелось. Следующим утром, где-то вблизи города Таллина, в проливе между береговой чертой и небольшим островком с труднопроизносимым названием, которое я не запомнил, нас встретили два вооруженных парохода, которые калининградцы выслали навстречу беглецам из Сестрорецка. Не знаю, какие у них были отношения с бывшим правительством СРР, но видимо, достаточно теплые, раз за ними вышла половина тамошнего военно-морского флота.

На пароходах Калининградского анклава имелаcь радиосвязь и после того, как вызванный на ходовой мостик Плетнев пообщался с капитанами этих судов, дело уладилось само собой. "Выборг" был передан встречающей стороне. Все спасенные нами люди и пленники были собраны на его борту и, пожелав беглецам, которые рассказали нам много интересного о положении дел в бывшей Ленинградской области, всего самого наилучшего, мы направились в гости к гатчинским военным. Курс на городок Систа-Палкино, где, по словам бывшего Верховного Комиссара СРР, сохранились подходящие для нас причалы.

Минули сутки и к полудню 1-го апреля "Ветрогон" подошел к этому населенному рыбаками городку под контролем войск ГВО. И первыми на связь вышла, так сказать, принимающая сторона. Мы находились от порта в шести милях, когда на мостике заработали динамики радиоприемника, и мы со Скоковым услышали молодой, но, тем не менее, уверенный в себе голос:

– Неизвестный фрегат УРО типа "Оливер Хазард Перри", с вами говорит береговой пост номер семь, Гатчинского Военного Округа. Назовите свою государственную принадлежность и цель вашего визита в территориальные воды ГВО.

– Ты смотри-ка, – услышав это, с уважительными интонациями в голосе произнес Скоков, – даже тип фрегата по силуэту определили. Красавцы!

– А то! Видать давненько за нами присматривают. Наверное, с самого утра от поста к посту информацию по рациям перекидывают. Организация, однако!

– Кто с ними пообщается?

– Я и переговорю, – подойдя к трубке радиотелефона, я нажал на клавишу передачи сигнала, и сказал: – Говорит капитан Отдела Дальней Разведки при ГБ Кубанской Конфедерации Александр Мечников. Нахожусь на борту фрегата "Ветрогон". Иду в порт Систа-Палкино для установления дипломатических отношений между ККФ и ГВО.

Молчание. Береговой пост принимает решение, скорее всего, консультируется с вышестоящим командованием, и откликается только через несколько минут:

– "Ветрогон", понял вас. Вам разрешен проход к причалам порта Систа-Палкино. Вам требуется лоцман?

– Если гавань чистая и старые карты верны, то нет. Просим обозначить назначенный нам под швартовку причал сигнальными флагами или ракетами. В порту будем через пятнадцать минут.

– Старые карты верны, отмелей и затопленных кораблей можете не опасаться. Ждем вас. Связь прервалась и, повернувшись к Скокову, я спросил:

– Сами с заходом в порт управимся?

– Да, осадка у нас небольшая, глубины здесь для фрегата подходящие, так что покажем себя во всей красе и не осраимся.

– Точно?

– Да.

– Эх, хорошо бы, кабы так.

– Что-то ты нервничаешь, Мечник.

– Ну, еще бы, очередной шаг в неизвестность, и впереди контакт с самым настоящим человеком из Золотого Века.

– Это ты про лидера гатчинцев Маркова?

– Про него самого. Это надо же, человек пережил чуму, развал страны, хаос, варварство, дикость, еще не пойми что, и дотянул до наших дней. И не просто дожил, а смог организовать какую-то устойчивую структуру, которая хоть и не является гегемоном региона, но может дать отпор любому, кто на нее наедет. Плетнев, когда Маркова поминал, так про него рассказывал, что заочно проникаешься к нему уважением. Вот, например ты, Сергеич, многих людей знаешь из тех, кто Черное Трехлетие пережил, будучи уже взрослым и состоявшимся человеком?

– В живых никого, а когда был молодым, таких всего с десяток встречал.

– Вот! В живых никого не осталось, и я таких не очень много встречал. А этот до сих пор живет, и не просто так, а вполне неплохо себя чувствует и анклавом руководит.

– Плетнев не говорил, сколько ему лет?

– В этом году юбилей был, ровно восемьдесят.

– Солидно, – протянул Скоков.

За разговором, фрегат вошел в порт, и с одного из причалов в небо взлетела ярко-красная сигнальная ракета. Скоков приступил к руководству швартовой операцией, а я, пройдясь по боевым корабельным постам, выстроил на палубе взвод десантников и, дождавшись, когда фрегат прижмется к причальной стенке, в сопровождении Лиды, Крепыша и Лихого, спустился на берег.

Обстановка вокруг стандартная для наших времен, изрядно побитый причал, местами раскрошившийся бетон и ржавые грузовые краны на изломанных стальных рельсах. Запустение, но, тем не менее, видно, что люди, проживающие в этом поселении и контролирующие его, стараются навести порядок, и за исправностью уцелевших портовых сооружений следят. Заметны цементные заплатки, закрывающие выбоины на дорогах из порта, некоторые здания побелены серой известкой, а чуть дальше, за причалами, возвышается крашеная свежей шаровой краской стальная опора радиомачты. Нормальный ход и, как мне кажется, мы попали в те края, где нас встретят с пониманием и без агрессии.

А вот и представители встречающей стороны. По причалу ко мне направлялись три человека, один военный и двое гражданских. Армеец, молодой статный брюнет в светло-синем камке, фуражке с зеленым верхом, и автоматом за спиной. Двое других, пожилые, лет за сорок, в линялых черных пиджачных парах и стоптанных ботинках. Видимо, к встрече с нами местные жители готовились впопыхах и надевали все самое лучшее, что у них в сундуках имелось.

Делегация приблизилась и первым, резко козырнув, представился военный:

– лейтенант Стрельцов, командир наблюдательного берегового поста номер семь. Со мной староста рыбацкого поселения Систа-Палкино Черемушкин и бригадир рыбацкой артели Большов.

– Капитан Мечников, – ответно отдав воинское приветствие, сказал я, и кивнул за спину: – лейтенанты Белая и Талый.

– Хотелось бы уточнить цель вашего визита, – явно, чувствуя себя несколько неуверенно и непривычно, произнес Стрельцов

– Наша цель – установление дипломатических отношений с вашим анклавом. Понимаю, что у вас нет полномочий, чтобы вести с нами переговоры, и нам придется подождать кого-то, кто имеет больший опыт в этих делах, чем вы. Неприятностей от нас не ожидайте, мы пришли с миром.

Молодой лейтенант коротко кивнул:

– Представители Старика придут через несколько часов и, пока они в пути, прошу вас не покидать территории причала.

– Без проблем.

Уточнив еще некоторые мелочи, относительно нашего пребывания в порту, и перекинувшись с лейтенантом несколькими ничего не значащими нейтральными фразами, мы разошлись. Офицер ГВО и гражданские направились обратно в поселок, а мы вернулись на фрегат и стали ждать представителей Старика, как здесь называли главу местного общества Ивана Ивановича Маркова.

Ожидание было тягостным, ведь правильно говорит древняя мудрость, что ждать и догонять, всегда тяжело. Однако все проходит, и дипломаты ГВО появились уже к вечеру. Оттягивать встречу, они не стали. На борт "Ветрогона" поднялись два похожих друг на друга как братья суровых, каких-то обезличенных и совершенно не запоминающихся человека в звании майора. От обоих заметно пахло конским потом, видимо они навестили нас сразу с дороги, и были эти офицеры очень немногословны.

Для себя этих представителей Старика я определил как контрразведчиков. Судя по всему, с дипломатами у военного режима серьезный напряг, так что свой анклав представляли именно они. И разговор между нами как-то сразу не задался. Майоры вели себя вполне дружелюбно, но складывалось впечатление, что они хотят только получить информацию, а никак уж ею не делиться. Мне это не понравилось, да и вряд ли бы это кому-то другому пришлось по душе. С их стороны сплошные вопросы и просьбы пройти по всему кораблю с осмотром. А на мои расспросы только самые общие фразы, из которых можно было почерпнуть, что они нам рады, но и только. Что с них взять? Контрики, они контрики и есть.

В общем, с майорами я провалялся целые сутки. Ничего в наших с ними отношениях не переменилось, и я вежливо выставил их обратно на причал, куда прибыло около роты местных солдат. На прощание, я объяснил майорам, что, раз у нас дела на лад не идут, первый контакт будет налаживаться с представителями Москвы. И после этого контрразведчики живо сменили тактику. Они быстренько связались с вышестоящим начальством, которое находилось в населенном пункте Сяськелево, и пригласили меня совершить путешествие по землям ГВО, дабы лично пообщаться со Стариком. Меня это устраивало, подставы я не опасался, и в сопровождении одного из офицеров отправился в двухдневное путешествие от Систа-Палкино к месту постоянной дислокации штаба гатчинских военных.

Какие указания получил сопровождающий меня на встречу с местным лидером майор, я не знал, но по дороге от меня ничего не скрывали. Мы ехали по разбитым дорогам из щебня, которые остались от древних автострад, останавливались на ночевку и привалы в деревушках, где люди жили своей самой обычной жизнью, и никто не пытался пустить мне пыль в глаза. Вот как есть оно все, так и смотри. Если умный, выводы сделаешь правильные, а дурак, так все одно ничего не поймешь. Гением я себя не считал, но кое-что в этой жизни уже видел, и думаю, что все понял правильно.

Да, Гатчинский Военный Округ не самое мощное государственное образование из тех, какие я видел, и для этого есть ряд причин: отсутствие нефти, малочисленность местного населения, много заболоченных земель вокруг и так далее. Однако тот же самый Плетнев, с которым мы много беседовали о ГВО, говорил, что гатчинские вояки крепко стоят на ногах, и с этим я не мог не согласиться. Конечно, дороги плохие, но они есть. Людей не очень много, может быть, что и ста тысяч на всю подконтрольную территорию не набиралось, но это не дармоеды и не угнетенное сословие, как можно было подумать, взглянув со стороны. У половины мужчин, которых я встречал в пути, имелось огнестрельное оружие, а это о многом говорит. В частности о том, что с вооружениями и боеприпасами у местных проблем нет, а так же о том, что власть доверяет своему народу, который в случае любой агрессии, может в своих лесах

так встретить любого захватчика, что тот ошалевает в атаке и тысячу раз пожалеет о том, что сюда приперся.

В общем, пока мы с майором добрались к Сяськелево, я был твердо уверен в том, что для нашей Конфедерации, если она будет искать союзника на Балтике, а это неизбежно, ГВО самый наилучший друг, партнер и товарищ. Значит, первый же отчет о походе, который будет отправлен в Краснодар, по прибытии "Ветрогона" в "Гибралтар", должен быть написан так, чтобы у Еременко, а вместе с ним и у Симаковых, о ГВО и Старике сложилось самое хорошее впечатление. Впрочем, я забегаю вперед, надо с самим местным лидером встретиться, и только после этого окончательно определяться в своем решении относительно отчета в центр.

В Сяськелево мы въехали в полдень 4-го апреля. Майор испарился в неизвестном направлении, а меня передал под опеку местного начальника интендантской службы и тот определил гостя на отдых в один из небольших аккуратных домиков, которых на территории ставки местного командования было не менее трех сотен. О том, что представляло из себя это поселение до прихода чумы, у меня никакой информации не имелось. Скорее всего, раньше это был поселок городского типа, обычное крупное поселение районного масштаба. Теперь же, это что-то вроде полевой крепости со всеми сопутствующими такому месту укреплениями по периметру: капонирами, блиндажами, минными полями вдоль дорог и подземными галереями.

В центре всего, как я уже сказал, одинаковые кирпичные домики на три-четыре комнаты, и вокруг каждого небольшая рощица из плодовых деревьев. Чуть в стороне, очень похожие на казармы для солдат, восемь длинных одноэтажных зданий из серого камня. Это все жилые строения, которые соединяется одно с другим выложенными на земле дорожками из бетонных плит. Вокруг зданий суетятся люди, слышны голоса женщин и детей, а из домов доносятся ностальгические и такие родные домашние запахи выпечки. Неплохо гатчинские вояки устроились, и этот базовый лагерь выглядит гораздо лучше, чем ППД Четвертой гвардейской бригады во времена моей службы.

Приведя себя с дороги в порядок, побрившись, помывшись и сменив камуфляж, я был готов к приему у Старика. И ближе к вечеру, в первых сумерках, за мной пришли. Все тот же обезличенный майор из контрразведки, проводил меня в один из ничем не выделяющихся домиков и, войдя внутрь, в большой просторной комнате, при свете нескольких ярких свечей, я увидел лидера ГВО.

Иван Иванович Марков, он же Старик, был абсолютно седым человеком высокого роста с лицом испещренным множеством морщин. Он сидел подле широкого и красивого резного стола, и что было для меня странным, Старик находился в инвалидном кресле. Про то, что Марков не имеет возможности самостоятельно передвигаться никто из тех, с кем я ранее разговаривал, ни разу не упоминал. Хотя, позже, сам, пообщавшись с этим человеком, я понял, почему люди не воспринимали его как инвалида. Этот человек был настолько силен внутренне, что полученная много лет назад травма не мешала ему жить полноценной жизнью и на это попросту не обращали внимания. Как сказал на следующий день один из его советников: "Даже сидя в инвалидном кресле Марков все равно наголову выше тех людей, кто стоит рядом с ним".

– Доброго вам вечера, капитан. Проходите, – Марков взмахнул рукой и указал на небольшой диванчик напротив себя.

Сопровождающий меня майор вышел, а я сел на диван, устроился удобней и, пристально посмотрев в бледные старческие глаза лидера ГВО, ответно поприветствовал его:

– И вам доброго вечера, Иван Иванович.

Чему-то, сам себе, улыбнувшись, Старик покивал головой и спросил:

– Значит, Кубань все же устояла после чумы и развала?

– Да, не без потерь, конечно, но на плаву мы удержались, в гражданскую войну не скались, внешних врагов отбили, и теперь понемногу восстанавливаем то, что было утрачено в годы хаоса и развала.

– Это хорошо, что родина живет.

– В смысле, родина? – Марков явно говорил не про Россию, и о том, что Конфедерация для него родина, я не знал.

– Ха, – усмехнулся он, – я же сам краснодарский. После училища был распределен на Балтийский флот, здесь служба пошла неудачно, хотел на Черное море перевестись, но не успел.

– Понятно. Так раз такое дело, может быть, попробовать поискать ваших родственников?

– Не стоит. Все кто был, наверняка, уже умерли, а если кто-то остался, так они мне уже чужие люди. Не надо теребить прошлое, ни к чему это, – Марков на мгновение прервался, о чем-то задумался и, кивнув на стол, где лежала стопка бумаг, видимо, отчеты майоров контрразведки о том, что я им рассказывал, спросил: – Это правда?

– Что именно?

– То, что ты говорил о положении дел в мире: Кавказ, Халифат, Трабзон, Караимский имамат, "беспределы", Внуки Зари, Алжир и Средиземноморский Альянс. Неужели все настолько плохо?

Теперь уже я задумался. С одной стороны, с точки зрения человека, который помнил Золотой Век, положение дел в мире, хуже некуда. А с другой стороны, то есть с моей, обстановка вполне нормальная, могло быть и гораздо хуже. При желании, можно было с Марковым на эту тему переговорить более подробно, но при первой встрече всегда есть что-то более важное, что стоит решить сразу, а поэтому, я ответил коротко:

– Да, Иван Иванович. Я ничего не приукрашивал и не придумывал. Все именно так.

– Хреново... – протянул Старик, прокашлялся и сказал: – Однако давай к делу, капитан. Насколько я понимаю, ваша Конфедерация недавно воевала со средиземноморцами. Кубань разошлась с ними краями, и теперь имеет базу в проливе Гибралтар. Правильно я говорю?

– Все именно так.

– Ты капитан дальней разведки при ГБ, и послан на своем собственном, захваченном в бою фрегате для того, чтобы посмотреть на творящиеся в Балтийском регионе дела.

– Правильно. Ваши офицеры ничего не напутали.

– И вот, пробежался ты по Балтике, посмотрел, что к чему. А дальше что? Вы постараетесь и здесь закрепиться?

– Конечно.

– Торговать будете или воевать?

– Держать здесь крупные военные силы мы не сможем, да и стратегия у нас иная. Легче и выгодней торговать, так что пока рассматривается только этот вариант.

– И что вы можете предложить?

Я понимал, к чему клонит Старик, знал, какого слова он ждет, и произнес его:

– Топливо.

Марков удовлетворенно кивнул и огладил свой гладко выбритый подбородок:

– А взамен что?

– Техника, механизмы, старые корабли, приборы и драгоценные металлы. Про размен пока ничего не могу сказать, для начала нужно узнать мнение нашего диктатора, который в Краснодаре сидит, а уже как он скажет, так все и будет. Мой фрегат вскоре покинет Балтику, и если у вас есть интерес вести с нами дела, вы можете выслать на нем пару своих представителей. Круглым путем, вокруг Европы, через Средиземное и Черное моря, месяца через три-четыре они доберутся в Конфедерацию, смогут лично посмотреть на нашу жизнь, и следующей весной, когда в эти воды пойдет новая экспедиция, вернутся домой.

– Заинтересованы, говоришь? Сам ведь понимаешь, что мы не просто заинтересованы, а должны просто питаться от радости при слове нефть, – Старик горько усмехнулся. – У нас есть техника, и ее много. Она стоит на складах, готова к тому, чтобы ее использовать, но нет топлива. Мы имеем дизель-генераторы, а сидим без электричества. В последние годы мы укрепи-

лись на одном месте, смогли наладить свой быт, люди не голодают и живут по человеческим законам, но, на мой взгляд, это тупик. Мы не развиваемся, молодежь не умеет обращаться с техникой и наш анклав медленно, но верно превращается в лесовиков, охотников, рыболовов и фермеров. Так что ваше прибытие в наши края я расцениваю как божий промысел.

– Однако я слышал, что Москва тоже предлагает топливо. Вы могли бы договориться с ними.

– Откуда про это знаешь?

– В море встретил беглецов из Сестрорецка и Верховный Комиссар Плетнев вам привет передавал.

– Значит, коммунары все же удрали?

– Не все.

– Ладно, про это, позже поговорим. А пока вернемся к топливному вопросу. Было такое, посещали меня представители Москвы, да вот только их предложения меня не устроили. Они мне давали топливо, которое еще надо по обмелевшим рекам и через перекаты с помощью бурлацких бригад из рабов, до Питера дотянуть, а взамен, предлагали нам перейти под их руку.

– И много они давали?

Старик скривился:

– Двести тонн ежегодно.

– Не густо. Мы в первую же поставку можем поставить три тысячи тонн. Однако, откуда у Москвы топливо? Ни Плетнев, ни другие коммунары из Сестрорецка, про это ничего не говорили.

– Топливо синтетическое, переработка нефтехимических предприятий, поэтому его и немного.

– Производство синтетического топлива требует больших энергетических затрат, и получается, что уж с чем, а с электричеством у них полный порядок?

– Сразу видно разведчика, – Марков расплылся в улыбке. – Да, в Москве сохранились Каширская и Шатурская ГРЭС, а помимо них Дзержинская ТЭЦ и еще что-то.

– Интересно получается, – я тоже улыбнулся, – Сестрорецк о своих союзниках почти ничего не знал, а вы говорите то, что, наверняка, не каждый московский житель знает.

– Ну, мы ведь военные, и потому коммунары свою республику прозевали и сбежали, а мы за счет беженцев с их территорий укрепились.

– Значит, вы в Москву свою разведку посылали?

– Да, – от ответа Старик уходить не стал, – и москвичи об этом знают. Одну из групп повязали, еще одна под удар дикарей попала, а одна поставленную задачу выполнила и вернулась домой.

– Тогда у меня к вам просьба.

– Говори.

– Если есть такая возможность, мне бы хотелось почитать отчеты ваших разведчиков о положении дел на территории Всероссийского диктата.

Марков хмыкнул и спросил:

– А тебе это зачем? Для общего развития или что-то серьезное против них задумал?

– Мы дальняя разведка, и начальство поставило перед нами задачу не только по морям и океану пройти, а попробовать сухопутным маршрутом от Питера до Кубани добраться. При этом желательно, собрать все возможные сведения о государствах и анклавах Центральной России. Сам бы я, другим маршрутом пошел. Однако начальство у меня суровое, и придется хотя бы попробовать выполнить приказ вышестоящих командиров.

– И ты хочешь пойти через Москву?

– Это наилучший вариант. По рекам и уже отлаженным дорогам время пути сэкономлю, а заодно и на столицу России посмотрю.

– Лихие вы парни. Чтобы на такое путешествие решиться, надо совсем обезбашенным быть. От Балтики до Черного моря, через дикарей и всяких местечковых царьков пройти, сильная тема.

– Нормальная, Иван Иванович. За плечами слишком многое, и подобное путешествие мой отряд сможет потянуть. От вас двинусь на Сестрорецк, пообщаюсь с новым местным начальством, по рекам пройду на Москву, а там видно будет. Получится дальше продвинуться, пойду, а нет, постараюсь обойти московские земли.

Старик выслушал меня, и согласно кивнул:

– Хорошо, будут тебе отчеты моей разведки, и при общении с генералом Шариповым, который сейчас в Сестрорецке всеми движениями рулит, тебе помогу. У меня с ним некоторые контакты набиты, так что в Москву ты со своими людьми попадешь, а дальше все в твоих руках.

После этого разговор как-то сам собой перетек в чисто деловое русло и пошло обсуждение перспектив будущего экономического сотрудничества, которое могло бы принести обеим сторонам, то есть ГВО и ККФ такие дивиденды, что у меня даже мелькнула мысль, а не остаться ли в этих краях на годик-другой. В самом деле, ведь такой бизнес можно сделать, что в золоте купаться буду, и схему никакую придумывать не надо, все на поверхности. Покупка нефтепродуктов в Алжире, транспортировка на Балтику и обмен на что-то ценное в наших краях. Благо, здесь было что взять, и тот же Старик, сразу сказал, что за дизтопливо и масла он может в первую же сделку отдать практически все имущество и вооружение 9-й гвардейской артиллерийской бригады, которая до Черного Трехлетия базировалась в городе Луга. Вот так вот, ни больше и ни меньше, а целой бригады. При этом он ничего не говорил про корабли Балтийского флота, которые у такого старого и много повидавшего на своем веку человека, наверняка, имелись, а также про имущество и склады Ленинградского Военного Округа, находящиеся под его контролем.

Так мы проговорили несколько часов подряд, и разошлись уже глубоко за полночь. Первыми встречами с местной властью, я был удовлетворен и считал, что поработал результативно. Наверняка, и высокое краснодарское начальство, которое ждет от нас вестей, когда получит их, тоже оценит мои труды по достоинству и останется довольно. Вернусь домой, отсыпят мне орденов с медалями мешок, дадут привилегий за храбрость и дальний поход, отдохну, а тогда уже и стану думать, на какое новое направление свои силы кинуть. Впрочем, до дома еще надо добраться, путь неблизкий и на пути столько препятствий, что лучше про них пока и не думать.

Глава 5.

Гатчинский Военный Округ – Прибалтийский район. 06-13.04.2065.

Сегодня я вернулся из Прибалтийского района, куда ездил на встречу с представителем Всероссийского диктата генералом Шариповым, и на душе было как-то беспокойно. Наверное, это оттого, что пару дней назад, в Сестрорецке, мне довелось увидеть, что такое диктатура в условиях более жестких, чем те, какие после чумы и хаоса возникли у нас на Кубани.

Наш диктатор, Симаков, это что? Самый мягкий вариант диктатуры. Дела свои делает жестко и линию свою гнет до окончательного решения того или иного вопроса. Однако противников устраняет аккуратно, без шума и пыли, каждый шаг просчитывает и постоянно оглядывается на общественное мнение. Московский правитель, Степанов, он иной, ему изначально пришлось стартовать с самых низин общества, с рядового "быка" Солнцевской преступной группировки, контролировавшей часть столицы после катаклизма. И он не оглядывался на людей, шел вперед, сметая все преграды, силой оружия объединял анклавы Москвы и Московской области, вырезал людей пачками и проливал реки крови. Жестокостью и полным презрением к человеческой жизни, он смог задавить анархию, истребить преступность, и за тридцать лет создать самое мощное государство региона. Чья система лучше? Кто прав, а кто виноват? Что превыше, выживание общины и закон или жизнь одного отдельно взятого человека с его внутренними убеждениями и представлениями о справедливости? Вечные вопросы, на которые у меня ответа нет.

Итак, расскажу о путешествии в Сестрорецк, ныне центр Прибалтийского района в составе Всероссийского диктата.

Начиналось все вполне неплохо. После двухдневных переговоров и консультаций с Иваном Ивановичем Марковым, я окончательно определился со своими дальнейшими планами и, по военным картам, которые мне предоставили гатчинские вояки, накидал предварительную схему дальнейшего продвижения своего отряда.

За это время Марков связался с Сестрорецком, и объявил генералу Шарипову о том, что у него в гостях находится разведывательный отряд Кубанской Конфедерации, который желает навестить Москву, и испросить аудиенции у диктатора Степанова. Шарипов нашему появлению не обрадовался и, как говорил Иван Иванович, при известии о том, что у нас имеется отличнейший фрегат, даже зубами заскрипел. Видимо, командиру московского спецвойска конкуренция была не нужна. Однако, переборов себя и не допуская резких слов, генерал согласился принять меня в Сестрорецке и, несомненно, сразу же связался со своим центром, куда доложил о появлении на Балтике бойцов с далекого юга.

Разрешение на посещение Сестрорецка было получено, и через земли поисковиков, огИБая разграбленный людьми заболоченный Петербург по дуге, в сопровождении двух офицеров из Гатчины, я отправился в новообразованный Прибалтийский район. Двигались мы зигзагами, по дорогам и широким тропам, которые некогда были автомагистралями, и которые соединяли разные населенные пункты, находящиеся под контролем вольного люда. Горелово, Металлострой, Павлово, Красная Горка и Новое Девяткино. Все эти места были под властью поисковиков, везде правила какая-то своя группировка, и законы в каждом таком поселении были свои. Чем-то это напоминало казачью вольницу четырнадцатого века, много до зубов вооруженного народа, выборная власть, элементы анархии и, в то же самое время, жесткая дисциплина в каждом отряде и неукоснительное соблюдение законов общины.

Мне у поисковиков понравилось, и сразу же навяло воспоминания о поднаеме вольных бойцов в Невинномыске. Настроение было хорошее, народ вокруг суровый, но улыбчи-

вый, дорога пролетела незаметно и весело, попутчики были не угрюмые товарищи из контрразведки, а бойцы гатчинского спецназа, родственные души, так что все было нормально. До тех пор пока наши лошади не въехали на окраину городка Парголово, где на перекрывающем дорогу мощном блокпосте нас встретили московские солдаты.

Перемены, как говорится, на лицо. В Гатчинском Военном Округе полнейшее спокойствие и некая уверенность в себе и своих силах. У поисковиков суэта, веселье и кипучая энергия. Здесь же нас ожидали настороженные лица солдат, угрюмые местные жители и пять виселиц невдалеке от дороги. Судя по всему, новая власть давила любую местную оппозицию без всякой жалости, и если смотреть на происходящее глазами постороннего человека, то происходит самый обычный исторический процесс. Сильная держава аннексировала более слабую, и теперь устанавливает на подконтрольной территории свои порядки.

Вот только когда о таких событиях читаешь в книжках или смотришь кинофильм из старых времен, про завоевание какого-либо края, то, в основе всегда идет мысль о том, что это закономерность. И в итоге те люди, которые шарятся по лесам и горам с оружием в руках, большинством зрителей и читателей воспринимаются как террористы, сепаратисты и мятежники. Другое дело, когда это видишь в реальности, а трупы на виселицах отнюдь не киношные и не рисованные, не имеют бандитских рож и выглядят как самые обычные заводские работяги. Тут уже ассоциации иные, и "лесные братья" зачастую становятся похожи на борцов за свободу, повстанцев или отстаивающих свою родину партизан.

Впрочем, я человек прохожий, пришел, увидел, запомнил, обмозговал сложившееся положение дел, написал соответствующий рапорт и дальше пошел. Так что местные войнушки и разборки меня интересуют только с профессиональной точки зрения и никак иначе.

В Парголово к нам присоединилась пара солдат из спецвойска, вроде бы как дополнительная охрана от нападения сепаратистов, не желающих воссоединения со столицей России городом-героем Москва. Мы тронулись в путь, ехали не спеша и через несколько часов оказались в Сестрорецке. Здесь картинка такая же, как и в Парголово. Местные граждане ходят озабоченные и напуганные. Вокруг поселения, выросшего на останках старого города, блокпосты с пулеметами. На одной из площадей перед городской управой стоят не пустые виселицы, а по кривым и узким улочкам передвигаются патрули из коренных жителей с нарукавными белыми повязками, на которых только одна надпись: "Полиция". Я увидел, что горожане косятся на пособников новой власти с нескрываемой злостью, а те, отвечают им тем же, оружие держат наготове, и передвигаются только тройками. И увидев новоявленных полицейских, мне вспомнилась одна песня, которую я слышал всего пару раз и которую, как мне думалось, давным-давно забыл. Песня была смешная, пела ее группа "Красная Плесень" и мотив насвистался сам собой:

Я открою вам секрет, у меня есть дед,
Мой любимый дед – он сельский полицей.
Вам секрет открою я, уважают все меня,
Девки любят все меня, потому что мой дед – полицей.
Мы пойдем с дедом в лес, собирать грибы,
И он местным партизанам надает пи...ды.
Чтоб костры не палили, и не портили природу,
Чтобы громко не ругались рядом с дедом-полицаем.
А потом зайдем в Гестапо, он напишет отчет,
О проделанной работе и достанет карабин.
Пионера и героя, он немного расстреляет,
Чтобы этот гнусный гад, уважал полицейских.

За такими наблюдениями и невеселыми размышлениями, мы с гатчинцами подъехали к штабу московского спецвойска, двухэтажному каменному строению невдалеке от виселиц. Нас встретил порученец генерала Шарипова, очень похожий на полковника Закаю, молодой

и чрезвычайно вежливый парень лет двадцати в гражданском костюме. самого генерала на месте не оказалось, он вспоминал молодость и где-то невдалеке от поселка Вартемяги гонял по развалинам партизан. Пришлось его ожидать, появился он уже только ночью, принять меня не смог, а может быть, попросту не захотел. А потому нас определили на ночевку в каком-то бараке неподалеку от штаба, и встреча с начальником Прибалтийского района произошла только на следующий день.

Раннее утро, городок поливает мелкий и противный дождик, в комнате сыро и неуютно. За мной и гатчинскими офицерами приходит порученец Шарипова и говорит, что генерал чрезвычайно занят, ведет допрос коммунаров, захваченных во время вчерашней облавы в районе Вартемяги. У нас есть выбор, или переговорить с Шариповым прямо сейчас, не отрывая его от основного дела, то есть топать в просторный пыточный подвал под штабом, который недобрым словом поминают горожане, или ждать еще сутки пока генерал не освободится. Терять понапрасну время не хотелось, нам пришлось последовать вслед за генеральским порученцем, и разговор с высоким местным начальством, произошел совсем не в той комфортной обстановке, какая могла бы быть.

По крутым ступеням нас ведут в подвал. И мы оказываемся внизу, где пахнет плесенью, человеческими испражнениями и свежей кровью. Через открытые окошки вниз проникает тусклый свет, слышны чьи-то стоны, крики, сопение и характерные звуки ударов по человеческому телу. Глаза быстро привыкают к легкому полусумраку, и к нам подходит сам генерал Шарипов, скуластый брюнет лет около сорока, крепкий мужчина с изможденным серым лицом, в этот момент похожий то ли на вампира, то ли еще на какую-то нечисть. Он не говорит приветственных речей, резкими движениями оправляет измятый китель, откатывает рукава испачканной белой рубахи, за ним рукава униформы, и задает вопрос:

– Кто из вас командир разведчиков с Кубани?

Голос генерала звучит глухо и устало. Я делаю полшага к нему навстречу и представляюсь:

– Капитан госбезопасности Кубанской Конфедерации Александр Мечников.

Я ожидаю, что будут какие-то расспросы относительно моих целей и положения дел в мире. Но видимо, Шарипова это нисколько не интересует, и он задает новый вопрос:

– Вы хотите попасть в Москву и получить возможность переговорить с нашим диктатором?

– Так точно!

– Сколько с тобой людей?

– Одна рота, сто двадцать бойцов.

Генерал что-то пробормотал себе под нос, оглянулся на стенку, подле которой его солдаты избивали нескольких коммунаров, вновь обратил свое внимание на меня и, почему-то развеселившись, сказал:

– Через неделю твой отряд должен быть на въезде в Парголово. Так и быть, отправлю вас с первым же караваном на столицу, а там все в ваших руках. Мне вами заниматься не интересно, других, более важных дел выше крыши.

– Понятно. Через неделю мой отряд будет в Парголово.

Шарипов чуть кивнул головой и направился в другой угол подвала, а мы остались на месте. Непонятная ситуация, ни здравствуйте, ни до свидания, ни как дела. Три вопроса и одно решение. Складывается впечатление, что я попал в какую-то психоневрологическую клинику, где явно нездоровые на всю голову люди, живут по каким своим, только им одним известным законам. Остается надеяться, что в Москве все будет иначе, и там нас встретят нормальные граждане, а не мясники вроде этого непонятного генерала.

Нас никто не отпускал, и о том, что аудиенция окончена, не извещали. Осталось только стоять на месте, ждать дальнейшего развития событий и наблюдать за работой доморощенных

палачей из спецвойска, которые чем придется, избивали своих пленников и задавали им одни и те же вопросы. Где ваш лагерь? В ответ бульканье. Лежащий на бетонном полу человек, пожилой мужичок, может быть, и был бы рад ответить, но у него это не получается. Новые удары, мужичка бьют палками и ногами, разбивают ему все жизненно важные внутренние органы и всего за минуту превращают в кусок мяса. Где ваши схроны? Сколько вас? Кто вам помогает? Ответа нет. Пленник попросту умер.

Гатчинцы смотрят на меня, а я на них. Для чего к пленным коммунарам применяются такие жесткие меры, мне и офицерам, просто непонятно. Мы разведчики, и тоже умеем быть жестокими ради того, чтобы быстро получить ценные сведения, но то, что мы видим, это просто, бессмысленное месилово, которое не приносит москвичам ничего кроме страха горожан и ненависти тех, у кого хватило силы воли на поступок и уход в лес. При такой политике генерала Шарипова, скоро здесь полыхнет так, что спецвойско, столкнется с дубиной народной войны и, скорее всего, оно потерпит поражение.

– Извините, – к нам подскочил порученец, – генерал задержал. Пройдемте наверх.

По все тем же крутым ступеням мы выходим наружу, вдыхаем полной грудью свежий воздух, идем к барaku, где мы жили, и где остались наши лошади, и я спрашиваю порученца:

– Тебя как зовут парень?

– Миша Закая, – ответил он. – А что?

– Надо знать, с кем говоришь, вот и спросил. Скажи мне, Миша, для чего пленников так тупо бьют и на горожан виселицами ужас наводят?

– Что, думаете, мы безмозглые садисты? – усмехается порученец.

– Мелькала такая мысль.

– Мы не моральные уроды, товарищ капитан, и то, что делается, это стандартная практика, опробованная годами еще с тех времен, когда наш лидер Степанов, Московскую область в кулак собирал. Сначала ломается старый режим, уничтожается вся местная политическая элита, а народ лишают практически всего: урезают пайки, угнетают и загоняют под пресс. Граждане нас ненавидят, а спецвойско жестко давит любое сопротивление или даже намек на него. Наши солдаты на показ вешают, калечат, бьют, и занимается всякой грязной работой. Затем, как раз перед тем, как начнется реальный мятеж всего местного населения, а мы этот процесс отслеживаем, из центра появляется добрый начальник. Этот высокопоставленный и солидный чин с кучей званий и регалий, принимает жалобы населения. Генерала понижают в звании, и отзывают из этого района куда подальше. Двух-трех солдат и десяток местных полицейских при большом скоплении народа расстреляют, местной элите и специалистам, которые уцелеют, вернут часть привилегий, и все, после этого территория окончательно под нами. Наверху есть спаситель и заступник, который станет главой района, под ним все остальные, готовые исполнять его приказания, а отряд спецвойска, проклинаемый всеми жителями возвращается на свою базу

– Это получается как игра в доброго царя и злых военных, которые бесчинствуют по собственной тупости?

– Она самая. Как там у Некрасова: "Вот приедет барин, он нас и рассудит".

– Хм, мотив ваших поступков ясен. Благодарю за разъяснения.

– Не за что. Вы генералу понравились, так что можно и приоткрыть этот маленький секрет нашего рода войск, тем более что гатчинский Старик про наши методы давно знает.

– Странно, мы с ним разговаривали, и он об этом ничего не говорил.

Миша усмехнулся:

– Наверное, вам и помимо этого было о чем поговорить. Кстати, товарищ капитан, а у вас разве нет карательных войск?

– Нет. Госбезопасность все недовольство и сепаратизм в зародыше давит, а в тех анклавах, которые к нам присоединяются, войскам Конфедерации почти всегда рады.

– Хорошо вам, а у нас, как видите, все несколько иначе. Нет времени на создание положительного имиджа и культурно-экономическое проникновение на территорию близлежащих государственных образований, вот и приходится действовать быстро, кроваво и жестко.

"Да уж, – подумал я в тот момент, – диктатуры они разные бывают, и когда наши олигархи шипят о том, что в Конфедерации попираются права человека, они не понимают того, что все может быть гораздо хуже. Вот бы их сюда, в Сестрорецк на перевоспитание, наверняка, если бы выжили хотя бы пару недель в местных условиях, потом бы всю жизнь на Симакова-старшего как на святого с христианской иконы молились".

Мимо нас по дороге прошел взвод солдат из спецвойск, и я обратил внимание на то, что ранее мне казалось простой случайностью. В частях спецвойска не было людей со славянской внешностью. Я посмотрел на молодого Закаю, который, видимо, все же был каким-то родственником полковника с парохода "Выборг", и спросил его:

– Миша, я смотрю, что в вашем подразделении сплошь азиаты и потомки кавказцев. Это случайность или как-то связано с политикой вашего правительства?

– А вы не нацист случайно? – улыбнулся он.

– С утра им не был, а теперь смотрю на вас и ваши методы, и начинаю подумывать о вступлении в их ряды, – я тоже улыбнулся в ответ.

– Это не случайность, товарищ капитан. На территории Москвы и области после чумы сложилось порядка семидесяти разных анклавов, и среди них больше половины по национальному признаку. Когда Степановым и его близкими соратниками разрабатывалась тактика карательных спецвойск, было решено сразу делить отряды по расовому типу. Русские бойцы давили поселения китайцев, кавказцев и потомков азиатских гастарбайтеров, которых в Москве до чумы было слишком много, а мы, кто не похож на славян, прессуем преимущественно русское население. Сами понимаете, как нас называют и какова ненависть людей к нашему роду войск.

– Жестокая придумка.

– Зато эффективная, и то, над чем другая организация билась бы десятилетие, мы делаем всего за один неполный год. Говорю же, все отработано в иных местах, и здесь идет самая обычная работа. Грязная, конечно, и кровавая. Но наш диктатор считает, что лучше сразу три-четыре сотни смутьянов передавить, чем потом с местным сепаратизмом бороться и ждать удара в спину. Слишком много проблем висит над нами, и очень уж сильно наступают неоварвары. Поэтому приходится идти практически на любые крайности, чтобы обычные граждане нашего государства смогли выжить и как-то пережить этот Темный Век ножа и топора.

– Миша, еще вопрос. А почему все вокруг в военной униформе, а ты в гражданском платье?

Тот помедлил, на ходу почесал подбородок, и ответил:

– А я не военный, мне здоровье в людей стрелять не позволяет. В этом отряде мой дядя служит, и он меня сюда пристроил на должность штатного психолога. Пока, второй год в порученцах у генерала числюсь, пишу диссертацию на тему: "Поведение бойцов в стрессовых ситуациях". Через полгода обратно в столицу вернусь, а сейчас сочиняю свои труды и веду исследования.

Проводив нас к барaku, где в сухой конюшне стояли наши лошади, Миша Закаю покинул нас, и вернулся в штаб, а мы, не желая торчать в таком мрачном месте, в какое превратился город Сестрорецк, собрали свои походные выюки и, как можно скорее, направились обратно в Сяськелево.

Настроение было не самым наилучшим, а по приезду в ставку Старика, пока мне меняли лошадей, дабы я мог продолжить свой путь к месту стоянки "Ветрогона", я на полчаса зашел к Маркову. Лидер ГВО принял меня безотлагательно, и после всех положенных приветствий, он спросил:

– И как тебе Шарипов?

– Странный, немногословный и производит впечатление полного отморозка с пулей в башке.

– Он такой и есть. Не хотел тебе про него всего рассказывать, чтобы ты не портил первое впечатление от встречи с таким человеком. Теперь вижу, что ты его надолго запомнишь.

– Это да, такие экземпляры рода человеческого, в память на всю оставшуюся жизнь врезаются.

– Ладно, – Старик прихлопнул по подлокотнику своего инвалидного кресла. – Решения продолжить свой путь не изменил?

– Нет. Через шесть дней мне с отрядом необходимо находиться на блокпосте в Парголово, так что следует поторопиться. Сейчас лошадей поменяют, и я направлюсь к морю, отдам последние указания командиру фрегата и начну выдвижение к границе Прибалтийского района.

– Хорошо. Мои дипломаты уже в Систа-Палкино, три человека, как мы с тобой и уговорились. При них верительные грамоты для вашего правительства и предложения по взаимовыгодному сотрудничеству в торговой и военной сфере.

– А документы по Москве и области? – напомнил я Старику.

Марков ловко, как если бы не был на вид дряхлой развалиной, нагнулся, вытащил из-под стола небольшую матерчатую сумку и перекинул ее мне:

– Держи, здесь все.

– Благодарю, Иван Иванович.

– Сочтемся. Взамен этой услуги, с тобой пара моих ребят пойдет.

– Кто и зачем?

– Виролайнен и Снегирев, те офицеры, которые тебя в Сестрорецк сопровождали. Где-то в Московской области на лагерной стройке моя разведывательная группа находится, которая к москвичам в плен попала, и они постараются выволить наших парней. Пока ты в тех краях будешь, они ничего не предпримут, и тебя не подставят, а как уйдешь, так за дело и примутся. Ты не против такого расклада?

– В общем-то, нет.

– Значит договорились. Когда от моря пойдешь, на одну из ночевок здесь со своими воинами остановишься, так что время переговорить на некоторые интересные темы у нас еще будет, – Марков протянул вперед жилистую руку с ясно видимыми канатами-реками кровеносных вен и добавил: – Бывай, капитан, через три дня встретимся.

– Обязательно, – пожав руку местного лидера, ответил я, и покинул его жилище.

Снова дорога, и если от моря в Сяськелево я добирался неспешно, и путь занял два световых весенних дня, то на обратную дорогу было затрачено всего шестнадцать часов. В населенных пунктах вдоль старой автострады, нас, то есть меня и все того же обезличенного майора из контрразведки, который вместо Виролайнена и Снегирева, снова временно приставлен ко мне, ждали сменные лошади, так что домчали быстро.

Устали мы с майором в дороге как ездовые собаки. Контрразведчик остался в порту, а я без промедления поднялся на борт фрегата, принял доклад Скокова и командиров подразделений, а после этого на полчаса упал в своей каюте отдохнуть. Спать хотелось невероятно, но надо дотянуть до вечера, и не просто потянуть время, а полностью разобраться с самыми неотложными делами, которых, ой как немало.

Во-первых, необходимо отдать более точные указания и команды Скокову, который завтра покидает Балтику и возвращается на ВМБ "Гибралтар". Во-вторых, стоит переговорить с посланцами Старика и посмотреть, что хоть за люди на Кубань отправлены. В-третьих, следуют провести собрание лейтенантов и отдать команду на утреннее выдвижение отряда к ставке Гатчинского Военного Округа. В-четвертых, надо написать письмо Никласу Шведскому и еще раз

пообщаться с Эриком Троллем, который до сих пор сидит в карцере. А есть еще в-пятых, в шестых, и так далее. Хочешь или нет, но впереди полноценный рабочий день.

Глава 6.

Всероссийский диктат. Дмитров. 06.05.2065.

– С чего начнем сегодняшний разговор, Александр Сергеевич? – старший следователь Рудь, как он сам представился при нашей первой встрече, сорокалетний мужчина с несколько вытянутым лицом и бородкой как у Дзержинского, разложил на столе чистые листы бумаги и шариковые ручки, включил диктофон и выжидательно посмотрел на меня.

– Без разницы, Василий Петрович, – удобней расположившись напротив него, ответил я.

– Давайте поговорим про промышленный потенциал Кубанской Конфедерации?

– Я не против. Да только вы знаете, что я к этой стороне жизни нашего государства никакого отношения не имею, так что вряд ли могу вам что-то рассказать.

– Так и запишем.

Рудь записывал свой вопрос и мой ответ на бумагу и, глядя на то, как он трудится, мне вспомнились почти все события минувшего месяца...

К землям Всероссийского диктата мой отряд добирался с постоянными остановками, пересадками и совсем не так, как нам это представлялось изначально.

В Парголово мы оказались в срок. На окраине нас встретил порученец генерала Шарипова психолог Миша Закая, и под контролем полуроты солдат спецвойска, он сопровождал мою роту к берегу Ладожского озера. И здесь, в крохотной рыбацкой деревушке без всякой особой инфраструктуры, если не считать таковой три деревянных причала и один обширный амбар на берегу, мы погрузились на гребное судно, по виду напоминающее самую обычную русскую расшиву века эдак тринадцатого-четырнадцатого. Это речное парусно-гребное судно, в команде которого были коренные местные жители, через озеро доставило нас к форпосту номер 27, находившемуся на другом берегу невдалеке от обветшавшего старинного города Волхов. И в этом месте была первая остановка.

В районе форпоста, где несли службу два десятка пожилых солдат из строевых армейских частей Москвы, отряд пробыл пять дней. Мы ждали баржи, на которых могли бы продолжить свое путешествие, и когда эти транспортные средства, влекомые по берегу бригадами бурлаков из пленных дикарей, появились, по реке Тихвинке двинулись дальше. Самому баржу тянуть не надо, это хорошо, и путешествие продолжилось. Нас везли и немного охраняли. Окрестные пейзажи неспешно проплывали перед глазами, и так, мимо форпоста номер 26, стоящего в районе Тихвина, баржи вышли к Рыбинскому водохранилищу. Новая остановка, опять ожидание транспорта, и пересадка на гребные суда. Переход к Рыбинску, Волга и, без захода в Калязин, ныне форпост номер 25, прибытие на конечную станцию, город Дмитров.

Дальше этого города нас не пустили, и уже всерьез взяли в оборот. Разоружать мой отряд не стали, все же мы не враги. За достаточно плотно заселенным городом нам отвели место под полевой лагерь. Рядом расположилась рота кадровых бойцов, по повадкам спецназ или что-то подобное, а после этого появились самые обычные офицеры местных спецслужб в ранге не выше капитана, которые и начали трусить нас на информацию. Причем действовали эти контрразведчики и разведчики с умом. Их не устраивали рассказы и байки о тех местах, где мы побывали. Они работали профессионально и хотели получить не нечто обобщенное, а конкретные сведения: факты, цифры и подробное описание того или иного объекта. Напирали сильно, общение с ними зачастую напоминало работу наших дознавателей госбезопасности, но до крайностей никогда не доходило и разницу между опросом и допросом они понимали очень четко. Порой им это мешало, ведь народ у нас в отряде неразговорчивый и необщительный. И только офицерам я разрешил высказываться без обиняков, а рядовые бойцы и сержанты,

корчили тупые морды лица и говорили, что ничего не знают. Местные офицеры злились, но видимо, имели четкие инструкции свыше, что можно делать, а чего нельзя и, правила приличия соблюдались все время нашего пребывания в лагере возле Дмитрова.

Прошла неделя, часть московских офицеров, а всего их было девять человек, вернулась в столицу. Позавчера им на смену появились другие. Все пошло по новому кругу, и распорядок дня был неизменен. Подъем, зарядка и завтрак, беседы с дознавателями и обед, снова беседы, ужин, свободное время и отбой. Вроде бы все тихо и спокойно, но такое положение дел мне и воинам не нравилось.

Когда мы продвигались к Москве, то считали, что получим аудиенцию у диктатора или на худой конец у кого-то, кто будет иметь ранг министра. А вместо этого мы сидим на одном месте и с утра до вечера занимаемся говорильней, которая не приносит нам ничего, ни материального прироста, ни дополнительных сведений о Всероссийском диктате. Единственный источник информации это прослушивание местных радиопередач. Однако по радио идут только сводки с самыми общими местными раскладами о положении дел в государстве, да агитационные речи: "взвейтесь, развейтесь, враг не пройдет, наше дело правое и дикари будут разбиты". Пропаганда дело нужное, но она не несет никакой конкретной информации, а значит, для нас это всего лишь чужая идеология, которой лишний раз загружаться не стоит.

Сегодняшний день начинался, как и все предыдущие после нашего прибытия в эти края. Шли разговоры за жизнь с москвичами, которые хотели знать как можно больше о вооруженных силах Конфедерации, и ее промышленном потенциале. А в ответ наши недоуменные лица, мол, дома давно не были, что знали, все забыли, а вот про Средиземноморский Альянс или про Сицилию с Испанией можем рассказать очень много.

Капитан Рудь, который может быть совсем и не капитан, поскольку в этом государственном образовании офицерские звания использовались только как антураж, декорация и прикрытие, о чем-то спрашивает, а я ему на автомате отвечаю. Это настолько привычно, что пока дознаватель ведет запись на бумагу, хотя у него при этом и диктофон работает, я спокойно размышляю о своем.

Вопрос – ответ. Вопрос – ответ. Так проходит около часа, по рации капитана вызывают за территорию нашего лагеря, он оставляет меня одного, и выходит. Мысли текут плавно, равномерно, спокойно и без всяких резких скачков. Я выхожу из просторной палатки, где шла беседа, присаживаюсь на лавочку возле входа, и ко мне подбегает Лихой, который постоянно шныряет вокруг и доносит мне обо всем, что он видит или слышит. Этот незаменимый разведчик взглядом передает мне, что все спокойно и исчезает. После чего я откидываюсь назад, спина ложится на жесткий и тугой брезент палатки, тело расслабляется, и в который уже раз за последнее время меня посещают размышления о местном государственном образовании и его лидере.

Что я знаю про современную Москву, Московскую область и Всероссийский диктат, возникший на их развалинах? Учитывая переданные мне Марковым отчеты его разведки, а так же информацию полученную из радио и от разговорчивых солдат и моряков, которых мы встретили по пути к Дмитрову, очень даже немало. Но на общем фоне, никаких особо важных и стратегических данных у нас нет.

После того как человечество за три года было выкошено вирусом черной оспы и, в среднем, выжил только один человек из пятидесяти, столица России и область погрузились в хаос. Кто-то пытался возродить промышленность и старался сберечь технические достижения, кто-то просто жил, а были и такие, кто все разрушал, сжигал, убивал мирных жителей и был озабочен только сегодняшним днем. В разных местах по всему миру Эпоха Хаоса длилась по-разному. У нас, на Кубани, двадцать лет без малого, в Трабзоне пятнадцать, в Ростове примерно столько же, на Сицилии и на большей части Европы хаос правит бал до сих пор, а в Москве восстановление крепкой государственности началось чуть больше тридцати лет назад.

Иван Магомедович Степанов, будучи совсем молодым человеком, в свое время был самым обычным боевиком Солнцевской криминальной группировки, которая после катаклизма контролировала часть столицы. В меру ловок, силен, хитер и агрессивен. От старых понятий и воровских законов, в этом сообществе ничего кроме названия не оставалось, и это была совершенно новая формация, что-то вроде феодальной структуры из замшелого средневековья. Ваня Степанов вел себя точно так же, как и все, кто был вокруг него и ничем особенным не выделялся. Но однажды с ним что-то произошло, все переменялось, и никто не знает, как и из-за чего, в одну ночь, из веселого и бесшабашного парня двадцати одного года отроду, он превратился в замкнутого и угрюмого человека. Со своими вчерашними друзьями общего языка Степанов больше не находил. Как следствие, он почувствовал себя чужим среди своих, собрал котомку с припасами, прихватил пару стволов из оружейной комнаты родного криминального сообщества и ушел в разросшиеся вокруг Москвы дремучие леса.

Про него забыли. Никому не была интересна судьба дезертира и в одночасье ставшего чужим для братвы парня. Однако прошел год, и он вернулся, да не один, а с отрядом лесовиков в тридцать человек. Позже, именно эти люди стали его опорой во всех делах, советниками, военачальниками и верховными чиновниками будущего Всероссийского диктата. Откуда они пришли, и где пропадал Ваня Степанов целый год, опять-таки, широкой общественности, а значит и мне, до сих пор неизвестно. Как говорится: "И улики все покрыты полумраком", хотя есть у меня мыслишка, что лесовики это потомки бойцов спецназа из какого-нибудь учебного центра ГРУ или ФСБ, которых по Московской области не меньше десятка.

Впрочем, продолжая отслеживать путь будущего диктатора, который первым делом по возвращении в Москву, навестил некогда родную для себя группировку. Он смог взбаламутить молодых бойцов, которые жаждали великих свершений, самых красивых женщин и все те блага, которыми обладали старшие товарищи, но не имели они. И после этого "солнцевские" разделились на три части. Одни пошли за Степановым, другие встали за незыблемость устоявшегося положения дел, а третьи, не принимая участия в смертельной схватке, которая закипела между двумя первыми группами, ушла под крышу других объединений.

Резня за главенство в группировке продолжалась около полугода, молодые и более дерзкие победили. Однако почивать на лаврах они не стали, а набрав новых бойцов, развязали войну против соседних кланов. Снова война, очередная победа, новый набор стрелков и опять война.

Воины Степанова как бешеные псы бились против всех и каждого, до кого могли дотянуться: военные, криминал, полиция, социалисты, анархисты и национальные группировки. Разницы не было, они давили всех подряд. Степанов заключал союзы и тут же ударял в спину вчерашним друзьям. Он отдавал в знак гарантии безопасности чужих лидеров заложников из близких к себе людей и уничтожал приехавших на переговоры вождей других общин. Давал слово чести и клялся на крови, что мир не будет нарушен. Но при первом же удобном случае наносил смертельные удары в наиболее уязвимые точки в структуре нейтральных кланов. В общем, он вел себя как беспринципный подонок без чести и совести, то есть, как настоящий политик, который идет к достижению своей цели по трупам других людей.

После того как Иван Степанов вышел из лесных дебрей, прошло три года. Москва оказалась под его полным контролем. Он объявил себя диктатором, и началось восстановление промышленности, которая еще уцелела в городе после всех актов вандализма, кровопролитных сражений и мародерки. Сведений относительно этого периода, который длился всего пару лет, очень мало. Наверное, даже меньше, чем про начало карьеры диктатора и его восхождение к вершинам власти. Однако известно, что, несмотря на отсутствие электричества, топлива и ресурсов, были восстановлены несколько заводов, проведена ревизия всего имеющегося в столице добра, а отряды бойцов усилились, перевооружились и приобрели вид регулярных воинских частей.

Новая армия была разделена на рода войск. Спецвойско – карательные части, как они работают, и в чем их предназначение, я уже видел, и представление о методах этих элитных подразделений имел. Егеря – диверсанты и войска быстрого реагирования, вроде тех суровых хлопцев, которые возле нашего лагеря стоят и за нами присматривают. Гренадеры – штурмовики, вобравшие в себя практически всю артиллерию, бронемашины, танки и прочую военную технику. КМО – Корпус Московской Обороны, примерно то же самое, что наши территориальные войска, полиция и линейная пехота без частей усиления в одном лице. ВВС как отдельная структура отсутствует, но парочку вертолетов, которые ходили над Волгой, я видел.

Итак, Степанов завладел столицей России и провел полную реорганизацию всей своей структуры. Война закончена – да здравствует война! Москва выплеснула из себя свои грозные воинские части, и началось покорение области. Переговорами диктатор себя не утруждал, а шел по пути достижения скорейшего положительного результата, не взирая ни на что. И на захват и покорение всех анклавов Московской области у него ушло несколько лет. После этого было необходимо переварить то, что было захвачено, снова произвести ревизию промышленности, окончательно подмять под себя некогда вольные анклавы и восстановить хотя бы некоторые заводы и фабрики. Так на подчиненные Степанову территории пришел мир и покой, как говорится: "тишь, гладь, да божья благодать".

Начался процесс восстановления государства Российского, именно так считал диктатор, а значит, и весь подчиненный ему народ, которого даже после чумы и всей той крови, что пролилась в войнах и смутах минувших лет, уцелело не меньше полумиллиона душ. Шли годы, народилось новое поколение людей, получилось восстановить многое из того, что осталось после катаклизма, авторитет диктатора рос, армия крепла, а народ стремительно увеличивался в числе. И хотя проблем, конечно же, хватало, но они решались, и не бросались на самотек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.